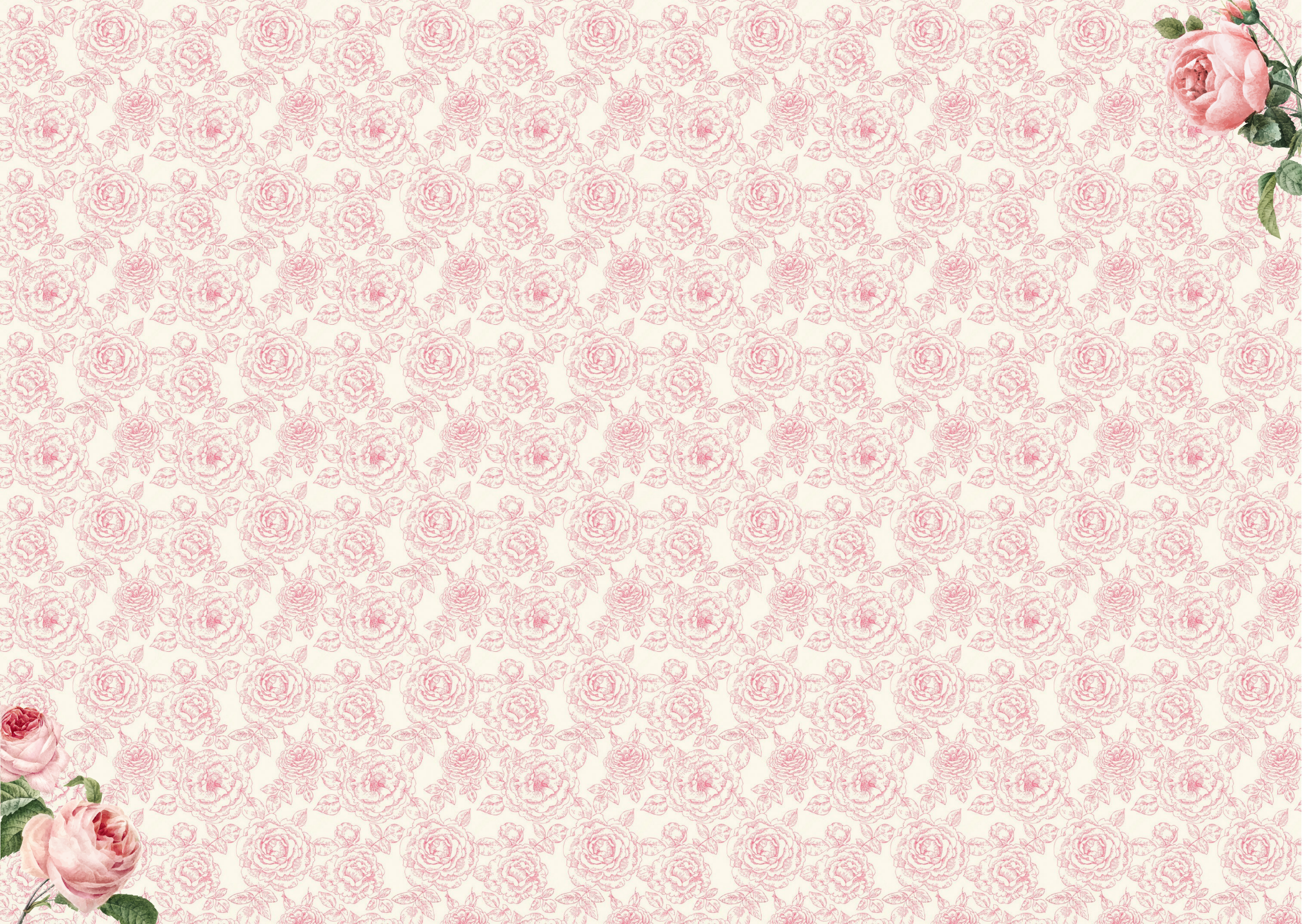

*Джеймс
Гудвин*

Сердце Дурака

Сердце Дурака

Джеймс Гудвин

Джеймс Гудвин

СЕРДЦЕ ДУРАКА

Фантастическая повесть

www.goodwinland.info

В «Сердце Дурака» Джеймс Гудвин, используя детективный сюжет, описывает похождения юного супермена на одной из фантастических планет. И в то же время главный герой – одинокий старик, сумевший найти в своих мечтах друзей среди литературных персонажей детства.

«Как добры все люди и животные».

Герда

СОДЕРЖАНИЕ

- * *Предисловие автора*
- * *Дурак на холме*
- * *Представьте себе*
- * *Сентиментальное путешествие*
- * *Земляничные поля*
- * *Любовь*
- * *В небе вместе с бриллиантами*
- * *Похороны цветка*
- * *Запах собачьей шерсти*
- * *В нашем саду*
- * *Секретная служба*
- * *Банда в бегах*
- * *Капитан Немо*
- * *Пусть будет так*
- * *Обыкновенный день*
- * *Долина кукол*
- * *Дитя во времени*
- * *Монастырская дорога*

- * *Тень твоей улыбки*
- * *Девушка*
- * *Сказки Венского леса*
- * *Солнечный Король*
- * *День рождения*
- * *Билет на Луну*
- * *Без тебя*
- * *Мама*
- * *Смерть*
- * *Июльское утро*
- * *Старые башмаки*
- * *Марш энтузиастов*
- * *Жёлтая река*
- * *Хрупкий*
- * *Цветы в грязи*
- * *Свеча на ветру*
- * *Сорок пятый калибр*
- * *«Мяу»*
- * *Новый год*
- * *Сердце Дурака*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта история, если и не бесконечная, то очень и очень длинная – миллионы минут, тысячи слов, сотни бутербродов, пять квартир, три кота и ни одной собаки по бу-
мажной дороге в призрачный город снов.

Это волшебная история, т. е. сказка о том, что было и будет на самом деле с каждым из нас: от смелости молодости до одиночества старости, особенно, когда старость приходит в детстве.

В детстве никогда не прощаешь с прочитанными книгами, перечитываешь и придумываешь продолжение, мечтаешь и живёшь только мечтами, только с любимыми героями и с музыкой.

Эта история – детство в стране, где никто не взрослеет.
Это фантазия.

На экране традиционная заставка: «Творческое объединение «Иллюзион».

Звучит мелодия всем известного блюза «Дурак на холме».

Появляются титры – чёрные на белом фоне:

ДУРАК НА ХОЛМЕ

1

Его спрашивали: «Что ты делаешь на этом холме, дурак?» И он отвечал: «Здесь самое высокое место и отсюда виднее небо».

- Зачем тебе небо?
- Я занимаюсь астрономией, – застенчиво говорил дурак.
- А что это такое?
- О! Это наука о небесных цветах.

2

- Что самое главное?
- Любовь, – утверждал дурак.
- Нет же, дурак, самое главное – это хорошая оценка, – спорили с ним дети.

3

- Земля – это резиновый пузырь, который надул сигаретным дымом рыжий хороший мальчик.
- Вы ошибаетесь, наша Земля – не резиновый шар, – говорил дурак.

4

Он был тихим, спокойным больным и, как показала последняя перепись, единственным дураком в стране.

5

Он утверждал, что понимает не только животных, но и людей.

6

Он приносил пользу: когда дурак сидел на холме, погода всегда была хорошая, а когда не сидел, естественно, – плохая.

7

Люди, в общем, не мешали ему, а если и смеялись над ним, то только сами, чужакам спуска не давали, и были правы: ведь это был их дурак. В благодарность дурак превратил все колючки в округе в неизвестные, но прекрасные цветы и назвал их розами. Толку от них было мало, даже скотина их не ела. Однако люди вскоре привыкли к ним, а когда дурак подарил букет чудесных цветов девуш-

ке, которую тайно любил, все поняли, что цветы – самый дешёвый подарок на свете: знай, рви, и стали повсюду их выращивать и холить.

8

Ночью, когда жители маленького городка спали, к костру дурака собирались бездомные собаки и кошки, которых он подкармливал, лечил и рассказывал им сказки. Вначале животные его не понимали, ведь они так долго жили вместе с людьми, а дурак стал разводить огонь на холме совсем недавно. И, к тому же, они ему просто не верили... Разве есть такие страны, где собаки, кошки и люди понимали и любили друг друга, где собак и кошек держали не только для того, чтобы делать из них шапки и котлеты? Но, наконец, они ему поверили: во-первых, дурак не ел мяса, во-вторых, как сказал самый умный и рассудительный пёс: «Вполне возможно, есть такие страны, где живут одни дураки». И однажды, в полнолуние, они заговорили с ним. Дурак стал первым человеком, с которым захотели беседовать животные. Кошки обладали прекрасной памятью и разыгрывали перед дураком сценки из жизни города, подражая голосам людей. В одной из кокетливых кошек дурак узнал свою любимую. В сценке, которую кошки назвали «Долина кукол», она го-

14

15

ворила своей подружке: «Все мужчины – дураки». Собаки чудесно пели на человеческом языке и выбрали дурака своим солистом.

Кошки и собаки вскоре познакомили его с очень умными созданиями – с эльфами и гномами, которых удивила необъяснимая доброта человека. Эльфы были лучшими математиками со времен короля Арагорна. А гномы писали настоящую историю человечества, не извращая в угоду людям события и факты из их жизни. Они могли себе это позволить: ведь о них никто не знал. Ещё в давние-давние времена по приказу местного короля гномов и эльфов создал втайне от всех для сбора информации и шпионажа придворный алхимик и на всякий случай поселил на резиновом шаре голубого цвета. На следующий день, во время дворцового переворота, алхимика сожгли за то, что он отказался от чего-то или, наоборот, не отказался. Его лабораторию разграбили, вынесли всю посуду и алмазы, а шарик присвоил себе рыжий, конопатый мальчик – сын очередного императора. Но ненадолго. Первый же порыв ветра унёс шар в неизвестном направлении. Это так огорчило мальчугана, что в течение пяти лет он только тем и занимался, что надувал резиновые шары. Однако маленькие человечки почему-то там всё равно не появились. Король предпринял все меры для того, чтобы вылечить своего наследника: уничтожил астрономию

и астрономов, великанов и чародеев, историю и карликов, сказки и дураков. Астрономов, великанов, чародеев, историю, карликов и сказки сожгли, а дураков по специальному указу стали считать «среднестатистическими умниками», как, впрочем, и всех остальных подданных королевства. Подумав немного, король заодно уничтожил и официальную оппозицию. Зато взамен старой, очень старой религии, была создана новая, объясняющая возникновение жизни на Земле доступно и просто: рыжий хороший мальчик надул резиновый шарик и пошёл гулять; со временем на шарике появились маленькие людишки – вот такие, не больше пачки сигарет, и другие животные. Рыжий мальчик спустился на Землю и стал жить среди людей, на радость им и монарху. Собственное божественное происхождение успокоило малыша, он перестал надувать шары и занялся астрономией.

9

В День рождения любимой он подарил ей огромный букет роз. Это были белые и красные цветы. Смущаясь и краснея, он произнёс заранее заученные слова и тут же ушёл, отказавшись от приглашения, чувствуя себя неловко в доме, где всё было слишком нежно и хрупко для трёхметрового гиганта.

18

19

С тех пор прошло много времени, но и сейчас раз в году на могилу его любимой бездомные кошки и собаки города приносят белые и красные розы, а эльфы и гномы читают до самого утра только ей одной стихи, написанные дураком.

10

Регулярно очередной добропорядочный и лояльный гражданин города честно ставил в известность центральные власти, что в городе появилась сомнительная личность: во-первых, астроном; во-вторых, великан; в-третьих, называет себя дураком. Ежемесячно специально откомандированная из столицы комиссия обращалась к дураку: «Ваше Высочество, езжайте домой, отец Ваш скучает и просит вернуться. А дома Вас ждёт чудесный телескоп, большой-большой».

На что принц всегда отвечал отказом. И вот, однажды, в полночь, к нему пришёл отец. Личная охрана Тирана оцепила местность в радиусе многих километров.

– Отец, – сказал наследник, – нашу Землю создал кто-то другой, во всяком случае, не я. Посмотри в мой телескоп, видишь, сколько планет во Вселенной? Столько резиновых шариков я один не смог бы надуть.

20

И он безмятежно принялся за старое дело: стал надуть резиновый шар, изготовленный гномами, и больше не обращал внимания на отца.

– Бедный мальчик, – сказал старый король, уходя за час до рассвета.

К тому времени принц надул две сотни шаров. Он очень спешил: нужно было надуть ещё восемьсот к весеннему балу фей. Представьте себе.

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ

...что-нибудь.

«В другой своей сказке «Земляничные поля» я рассказал о кошках, собаке и человеке. Правда, они могли быть и розой – любой. Однако Шеф вместе с любовником своей жены, съев кролика, думали иначе:

1. В самый раз.

2. Старый пенёк не дурак пожрать.

Похороны состоялись в разное время!!!»

Бегемот

21

Наш Шеф после обеденной гимнастики иногда тоже говорит: «Ну, что, парни, в живых останемся только мы». И, шутки ради, печально нажимает на ряд гербовых кнопок, подражая голосу Прокуратора: «Давай, спасай цвет нации». Неплохо подражает. Похоже. И мы в похоронном темпе орём: «Да здравствует!». Не всегда. Но часто. Достаточно часто.

У нас давно все переспали друг с другом и, разумеется, продолжают до сих пор (вряд ли что изменилось). Естественно, это никоим образом не сказывается на выполнении каждым своих функциональных и субординационных обязанностей. Есть и свои чемпионы: Гензель – Фарш и Гретель – Белая Лошадь. В последний раз их разняли на операционном столе. Фарша отправили вверх преподавать в высшей школе, а Лошадь, став секретаршей Шефа, получила очередное звание и тоже говорит: «Я никого не боюсь». Не всегда. Но часто. Достаточно часто. Им и в самом деле бояться некого и нечего. Этот центр со всем годовым, а быть может вековым или тысячелетним (?) провиантом спрятан под цепью северных гор. Что давно всем известно. Не опасно даже прямое попадание атомной бомбы. И это растормаживает. Как утверждает Дин: «Психологи-

чески». Он, например, стал писать абстрактные стихи, лучшие – на дверях мужской уборной, конечно:

«Синее, синее поле,
Нежный, задумчивый взгляд.
Падают алые зори
Розами в тёмный закат.
Падают, падают искры
В звёздную тихую мглу...
Где-то над озером чистым
Чистое слово «люблю».

Рядом со стихами красовалось схематичное изображение голы женщины, внизу надпись: «Это Мальвина. Я её трахнул». И стихи, и рисунки по-прежнему там (вряд ли что изменилось).

2

Изумрудный город возник, как первоочередная необходимость Империи в велосипедах, вёдрах и конституционном суде. Все средства пропагандистской машины о дешёвом жилье и вольготной жизни в городе были включены на нужную мощь. Формировались агитационные колонны Отличных Парней, валом валили авантюристы,

уголовники и просто обиженные, истерзанные души. Столица снабжала рождающийся город наилучшим товаром, столичные гастролёры пели об «Изумруде» лучшие песни. Людей, строящих город, называли «лучшими». Всё было высококачественным.

Высокой была (и осталась) преступность. Любимым развлечением «лучших» было (и осталось) сбрасывание себе подобных с крыш коллективных небоскрёбов. Лучших в стране.

На фоне организованной шумихи шла настоящая работа: под грядой первобытных гор, окружающих растущий город, строился Атомный Центр обороны страны. Таким образом, десятилетия пропаганды всеобщей нищеты были воплощены в последней идее министра нападения и самообороны Джюса У. В день окончания строительства Центра он выбросился из окна с криком: «Марсиане идут!»

Вскоре была разработана совершенно секретная директива Верховного Комитета Сверхдержавных Сил – «ВКСС 20/1», которую на всякий случай и для устрашения подбросили всем вражеским и дружественным разведкам. Для мирного периода директива предусматривала капитуляцию блока Союзников под давлением извне, на случай войны – нанесение молниеносного ядерного удара, превращение Содружества в аграрную колонию Великой Интернациональной Империи. После овладения се-

26

27

кретом атомного оружия стало ясно: будущая мировая война – последняя, в ближайшие несколько тысяч лет. «Слава Богу, наконец-то, я подохну», – отшутился бессмертный Прокуратор. Поэтому в кратчайший срок по специальному распоряжению Тирана (директива №59) был разработан план строительства подземного города и заселения его цветом нации. Критерием отбора служили тщательно разработанные анкетные данные для чистокровных имперцев. Наш отдел по охране пульта ядерной обороны – «атомной грядки» был укомплектован идеально чистокровными парнями.

3

Чистокровным признали и меня. В общей колонии, где я родился, моя мать работала ресторанной буфетчицей. Отец – профессиональный мытарь, промышлял где-то на другой стороне Империи и решил не тревожить меня своей недвусмысленной репутацией. Поэтому в детстве мне не давали забыть, кто я такой и «где твоё место, ублюдоков» в иерархии маленьких негодяев. Детство мне запомнилось бессмысленностью необъяснимых поступков взрослых, постоянным желанием вырасти и стать неуловимым разведчиком. Быть пойманным не входило в мои планы. Сейчас, впрочем, тоже.

Как большинство обожаемых крошек, я был избалован, и пользовался этим вовсю. Неуёмное детское воображение подогревалось фантастическими желаниями, которые мать выполняла без промедления. Так, у меня появился единственный в своём роде шагающий конь с настоящей уздечкой, седлом и стременами. Сидя на нём и слушая его электронное ржание, я был, по-видимому, счастлив. На зависть соседским мальчишкам, почти неделю. Игрушками, заграничными костюмчиками, заморскими сладостями мать пыталась компенсировать недостаток времени для проявления своих материнских чувств. Может быть, именно поэтому, я так и не научился ценить вещи и легко с ними расстаюсь, как расстался когда-то со своим скакуном, подарив его девочке Элле.

Когда крошка спал, мать возвращалась с работы и всегда клала в сумку огромного плюшевого кота шоколадку или горсть ореховых конфет. А на утро я, толком не проснувшись, перво-наперво выгребал кошачьи подарки и рассовывал их по карманам дежурных штанишек. Мать охала и удивлялась, а я ей подыгрывал, хотя давно уже разгадал эту тайну, как, впрочем, и другие тщательно оберегаемые взрослыми тайны: рождения, любви и Деда Мороза. Наспех позавтракав, я убежал на весёлую и беззаботную улицу, где мог вволю шуметь и проказничать. Мои друзья – Элли и её старший брат Дин жили в Солнечном квартале,

и, чаще всего, всё своё время и мамины подарки я делил вместе с ними.

Элли фактически была хозяйкой дома: её отец, работая в имперской агитке, почти всё время проводил в разъездах и командировках. Ну а мать после развода переехала жить в столицу. Элли так же, как и я, не любила город, а вкусы Дина если не всегда, то в основном совпадали с мнением сестры. Двухэтажный дом, как и большинство особняков в этом богатом квартале, имел всё необходимое: огромный холл на первом этаже (где я – Серый Волк, и Дин – Иван Царевич, всегда побеждали Василиска, Змея Горыныча и Кощея Бессмертного), зал для физических упражнений, бассейн («Синее море» или по настроению – «Река Чёрного Дракона»), подвал-холодильник (откуда в случае неудачной охоты добывалась заказанная Элли еда), спальни, кабинеты, мастерские и телескоп на самом верху, где она рассказывала нам с Дином свои лучшие сказки о звёздных путешествиях и загадочных странах, не забывая подкармливать нас из соломенной сумки, специально наполненной для дальней дороги.

Несоразмерное сочетание ограниченности пространства и безграничности воображения воспитало во мне путешественника (в ограниченном пространстве) и фантазёра.

Вечером, под Рождество, я и Элли после купания в бассейне сидели нагишом в холле и болтали о любимых певцах и группах. У неё была отличная музыкальная коллекция. Дин предпочитал музыке многосерийные кинобоевики, тем более что Элли любила слушать музыку одна, иногда – со мной.

«Вечность – это только время», – пел лидер группы «Сердце Дурака». Серебряные блики отражённой в бассейне луны падали на потолок и противоположную стену, сбегали цепочкой вниз, протягивали кончики пальцев-лучей к нам, на мгновение замирали и вновь возвращались обратно.

«Элли, – между прочим, сказал я, – когда мы вырастем, я обязательно возьму тебя в жёны». К тому времени мы были знакомы уже пять месяцев и я, как мне казалось, имел полное право сказать ей об этом. На прощание я протянул ей руку, но она, обняв меня, легко поцеловала и тут же ушла.

На следующий день я проводил Элли и Дина. Они уезжали из города на время зимних каникул. С тех пор я не видел Элли почти десять лет. По решению горсуда её увезла к себе в столицу мать, которая прервала все мои контакты с ней.

Скоро и мы с матерью переехали в юго-западный район города. Но друзья у меня на новом месте так и не появились: мне хватало Дина и подаренных его отцом Эллиных

дисков. К тому же я стал книжным наркоманом, тратя все случайные деньги на имперскую читальню. В перерывах книжного голода работал в шайке малолетних гимназистов, специализирующихся на сбыте краденых газет.

В восьмом классе действительно влюбился, как и все остальные, в первую красавицу гимназии Майю. Правда, после того, как меня не сильно, но систематически избивали по её ходатайству. К моему стыду я, оказывается, не предугадал её внезапно вспыхнувшей любовной тоски и всепоглощающей страсти. Разумеется, в кратчайший срок мы исправили это маленькое недоразумение. Учился я, в общем-то, неплохо. И сейчас, мне кажется, слишком серьёзно относился к учёбе. В классе я был на голову выше всех и поэтому, ощущая свою «неполноценность», старался быть как можно ниже и незаметнее, тем более что безотцовщину в уродстве ежедневно убеждали «полноценные» одноклассники. И только благодаря Майе я избавился от этого комплекса, перестал горбиться и придумывать истории о погибшем герое-отце.

В многочисленной очереди учителей, обучавших наш класс, мне запомнилась учительница по элементарной физике. «Учительница первая моя...» После методичного поучения линейкой моих юных пальцев она старательно перед всем классом описывала закономерный итог появления на свет Божий всяких незаконнорожденных

преступников. Уже будучи на подготовительном отделении, мы с Дином виртуозно (для наших лет) смонтировали порнографическое непотребство с участием сексбомбы от физики и, размножив, с помощью газетной шайки накачали им весь город. Стоя в кабинете помощницы директора (ноги вместе, руки по швам) – бывшей тюремной охранницы, я получил свой первый урок в области методики проведения холодного допроса. И в результате, ввиду скорого окончания начального курса и недостатка улик, мне выдали аттестат «при отличном поведении», что приятно удивило меня и укрепило веру в непреходящую ценность истины: «Не пойман – не вор».

Вскоре мать, соблазнив будущего генерала имперских войск, вторично вышла замуж в возрасте тридцати лет. Следствием этого стала моя первая перемена фамилии в ряду дальнейших перемен, включая постоянные переезды из одного города в другой, где друзей у меня так никогда и не было. А мой настоящий друг Дин спустя несколько месяцев на мои звонки и письма перестал отвечать. И только позже я узнал, что он погиб в автомобильной катастрофе...

После успешного окончания гимназии я отправился в столицу поступать в Национальный университет имени Вождя всех народов. Удобно устроившись в купе первого

класса, я размечтался о новой и, конечно же, значительной судьбе долговязого парня с окраины Империи. Сентиментальное путешествие.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

1

Алиса. В небольшом северном городке (последняя передка перед столицей), сохранившем архитектурные черты рыцарских веков, я помог ей выйти на улицу наикратчайшим путём – из окна старинной ратуши, где она рисовала древний храм, расположенный в центре площади.

– Вы мне очень нравитесь, – неожиданно для самого себя сказал я, бережно поставив её на землю.

– Спасибо. Я рада, что мы понравились друг другу, – ответила Алиса и, передав мне свой мольберт, бесстрашно повела меня в волшебное зазеркалье нежданной любви.

Сверкающие нежным рассветом лепестки цветов, первый поцелуй в зелёном уюте музея природы, близость доверчивых глаз, свеча, украденная на счастье, на долгую память, музыка Битлз, сонеты Шекспира...

«Я думаю о краткости мгновений,
Об увяданье совершенных грёз,
Где мир – театр, и время представлений
Зависит от холодной воли звёзд.

Где то же небо нас растит и губит,
Как будто мы бездушные цветы.
Где старость неизбежная наступит,
Сметая все тщеславные мечты.

И в этом увяданье постоянном
Ты для меня сокровищ всех ценней.
Лишь время день твой юный беспрестанно
Пытается отправить в мир теней...

Я в споре с тленом за любовь свою
Тебе строкой бессмертие привью».

Волшебные грёзы романтики прошлого. Путешествие
близкого расставания, краткое мгновение, подаренное
судьбой...

«Mon Cher!

Моё письмо, по-видимому, порядком подзадержалось. Хотя, впрочем, одной из причин этого явились Вы сами, так как не соизволили сообщить мне свои координаты, и я до сих пор сомневаюсь, найдёт ли Вас это послание.

Ну, а второй причиной послужило желание послать тебе свой офорт, эскиз к которому я делала как раз в тот момент, когда тебе в голову пришла светлая мысль снять меня с окна (надеюсь, ты не слишком долго в этом раскаивался...).

После твоего отъезда единственным приятным воспоминанием была последняя ночь, когда я бродила по городу одна и сдирала афиши с заборов. На одной из них, кажется, тот самый Доминиканский монастырь, где мы позаимствовали свечи. Как видишь, зёрна преступности, посеянные тобой, попали на благодатную почву.

Сейчас ужасно загружена работой, забываю дни недели и даты, не знаю подчас, какая была погода. Надеюсь скоро получить ответ, очень жду. A lot of kisses to you, my stranger. Strawberry Fields Forever».

ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ПОЛЯ

У каждого десятилетия свой неповторимый образ. Я перебираю пластмассовые отпечатки прошедшей жизни, воспоминания о которой всегда грусть и музыка. И, слушая её, я вновь верю и надеюсь. Всё, к чему стремился и о чём мечтал, проходит рядом, словно это осуществилось и стало явью. Иногда мечты заменяют саму жизнь, главное, – вовремя этому научиться, тогда не так холодно и одиноко на свете.

День на исходе. Прохладный воздух открывает окна и двери, снимает жёлтый налёт с листьев, окрашивает лес в синий цвет. Солнце уходит за горизонт, осветив напоследок рубиновым светом земляничные поля в долине и на другой стороне холма. Над лесом зажигаются звёзды, тропинка от порога дома исчезает, спускаясь к отражению луны в зелёном ручье. Трава расступается, пропуская бесшумно идущего Кота Бегемота во главе со своими бездомными друзьями. Дин Гиор приподнимается, дружелюбно машет хвостом и снова вытягивается во весь свой огромный рост. Прежде любой беседы – накорми гостей, этому правилу нетрудно следовать, особенно, когда гости так воспитаны и не стремятся наследить на хозяйском полу. Мы знакомы уже полгода, и ни разу без моего приглашения кошки не вхо-

дили в дом. Даже когда я отсутствовал, они чинно ждали меня во дворе, не пытаясь проникнуть в открытые окна. Вполне возможно, определённую роль в этом сыграл и авторитет Дина.

Началось всё весной, когда Кот привёл своего бесхвостого приятеля с перебитой лапой. Затем круг моего знакомства с усато-полосатым племенем расширился, и когда они по несколько дней не приходили к нам, мы с Дином волновались: где-то они сейчас, не обидел бы их кто.

После ужина все разбрелись по двору. В вечернем воздухе горят изумрудные искры. Кот Бегемот потянулся и вдруг, собравшись в комок, прыгнул Дину на спину. Дин Гиор не среагировал – никто, кроме Кота, не пробует фамильярничать с ним, его размеры и необычайная сила внушают уважение всем. Пятеро котят, один совершенно белого цвета – явная копия Бегемота, мурлыча, трутся о Дина. Кот, навозившись на его спине, прыгает ко мне на колени; белая шерсть отливает серебром, глаза закрыты – мы изволим почивать.

Ночь сжала пространство, послав покой и тишину. Я встаю и несу Кота в дом, за мной идут Дин с котятами и все остальные. Я включаю проигрыватель и ставлю «Земляничные поля». Затем разжигаю огонь в камине, поднимаю Бегемота с кресла и сажусь. Тепло любят все: раньше кошки не заходили в дом, но когда пошли весенние дожди, цере-

мони были забыты. Мы молчим, каждый думает о своём. Я опускаю руку и беру с пола папку; исписанные страницы шелестят, соединяясь в одно целое новой сказки. Я читаю вслух: «Запах собачьей шерсти». Если уважаемая публика не возражает, на сон грядущий я прочту вам очередную сказку». Никто не возражает. Дин встаёт, нюхает папку и, улыбнувшись, садится рядом. Я читаю о том, что необходимо мне сегодня, и о чём думаю чаще всего – об умении выдумывать и фантазировать. Сон, дающий силы проснуться, но только не моим слушателям – все, кроме Дина, спят. Я поднимаюсь с кресла и снова включаю проигрыватель, одеваю наушники – «Мы так любили бы друг друга, когда моложе были б на одну любовь».

ЛЮБОВЬ

1

Июльское утро. Я без толку, сам по себе, шлялся по городу, дышал свежим автомобильным перегаром и пытался с переменным успехом поймать ответное мнение свободных и занятых девушек о своей полузастенчивой

улыбке. Город, окутанный постоянным дождевым туманом, словно в волшебной стране, без устали менял свои очертания и окраску. Я плыл, подняв паруса, по волнам меланхолии и лени, теряя всякую ориентировку во времени и пространстве. Но рано или поздно всё останавливается. И мой поднаторевший в кругосветных плаваниях корабль случайно забрёл в первый попавшийся кабаk. У стойки довольно симпатичный, похожий на кинозвезду хозяин, приветливо махнул мне рукой, приняв меня, как часто бывает в таком настроении, за кого-то другого. Я не возражал, тем более что заведение было, сразу видно, приличным и рентабельным. Сев за столик у окна, я принялся подсчитывать эффект полезного действия на аппетит, проплывавших мимо моего убежища, женских ножек. У меня было уже достаточно воспоминаний, чтобы суметь разобраться и в этом. Мой немудреный заказ чересчур быстро выполнили. Я высыпал весь консервированный горошек в тарелку с отбивной и смешал его с листьями цветной капусты и спаржи. Залил всё это соусом и снова уставился в окно. Там неземное создание в короткой юбке и полосатой кофточке с поясом поражало всех своими размерами и поведением. На голову выше всех одуревших от восторга мужчин, длинноногая девочка, ловя своё отражение в моём окне, поправляла что-то у себя в нижней амуниции и бровью не вела. Наконец,

она заметила мою бесстыжую рожу, нахмурилась и бодро вошла в трактир, явно намереваясь сесть за мой стол.

Но не тут-то было – её вовремя опередил, сгибаясь под тяжестью двух пивных кружек, отставной железнодорожник в форме сельских бродяг. Мне повезло: парень был навеселе и с ходу, без остановки, стал раскрывать мне свою повеселевшую душу:

– Когда мне было сорок лет, то есть вчера, я сгонял в крематорий и сбыв там по дешёвке своих предков, – с надеждой затянул он.

– Вы, часом, не псих? – вежливо отрезал я.

– Меня зовут Гудвин, Джеймс Гудвин, – улыбнувшись в ответ, сказал железнодорожник. – Вы, верно, здесь впервые?

– Да, зашёл перекусить.

– Здесь, к сожалению, так принято. Эту забегаловку посещают киношники и писаки всех мастей. Я решил, что Вы из новых – из неформальной волны. И вижу, к счастью, что ошибся.

– Я тоже подумал, что Вы – стрелочник.

Парень хорошо и искренне рассмеялся, но вовремя заглох:

– Эта одежда, плюс немного грима помогают решать некоторые проблемы при контакте с людьми, – смущенно признался он.

Я восхищённо подмигнул длинноногой красотке за соседним столом. Она равнодушно смотрела вдаль, будто находилась от нас за сто миль, за границей презрения.

Гудвин отодвинул кружку, постучал по краю стола ссохшейся рыбиной и затянул дальше:

– Вы, по-видимому, в столице недавно?

– С неделю. Решил рискнуть.

– Наркотики, спиртное, золотишко, – чуть разочарованно заключил он.

– Нет. В университет поступаю, – смело сказал я и агрессивно уставился ему в переносицу. Но он не заржал, а продолжал лакать своё пиво.

– Чёрт возьми! Вот не думал не гадал, что кроме новой есть на свете и другая молодежь.

И я лицом в грязь не ударил. Книжек я перечитал уже прилично, было за что зацепиться. Особенно он прибалдел, когда я выдал ему свою точку зрения на «Билет на Луну» и «Похороны цветка». Тут Гудвин так разгорячился, что забыл о своём пиве и заказал коньяк. Мы с ним чокнулись за здоровье своё и соседки. И сразу же с места в карьер перешли на личные проблемы, точнее, на его. Я внимательно слушал, авось пригодится. Он продолжал распинаться:

– Лучшее лекарство от смерти – это любовь. Жизнь кончается, любовь – никогда. Любовь бессмертна. Она оста-

ется в наших детях, друзьях, книгах, музыке, в добрых поступках, в нашей душе. Хотя быть сволочью всегда проще. Чтобы полюбить людей и животных, нужно или быть большим дураком, или стать мудрецом, который осознаёт, что быть сволочью не всегда проще. Как бы то ни было, и то, и другое накладно и требует определённых усилий. Добро же, совершаемое большинством, чаще всего вырастает из ординарных корыстных побуждений, то есть из зла. И это нормально, как нормальны по отношению к требуемым моральным условиям общества все мы. Так, по тесной лестнице подземки все двигаются в строго указанном направлении и со средней скоростью нагруженной бакалеей домохозяйки. Сами понимаете, скорость эта в разное время и при разных условиях будет иная, не говоря уже о том, что подземкой может с успехом управлять и домохозяйка. Все мы в детстве, в стадии наивности, редко обретаем себя, стремясь поскорее отрастить локтевые мускулы, чтобы первыми спуститься по лестнице в стадию цинизма. Затем обычно нам не хватает умственных сил подняться, соединив в себе наивность и цинизм, доброту и мудрость. Многие, не сумевшие превозмочь время, предпочитают встать в стороне, и лишь единицы бросают вызов мельничным жерновам. Может быть, и мне, сидящему в стороне, сподобится убить чёрного дракона. Пока же короткие реплики, сказанные мил-

лионам, успокаивают мою совесть. Это даёт мне право считать себя в некотором роде писателем. Надеюсь, что когда-нибудь у меня хватит сил написать стоящую книгу, где я попробую сказать: «Я – часть загнивающей цивилизации, которая никого не любит и не боится, разве что мазохистски страдает от осознания собственной ненужности и меланхолии». Когда-нибудь я не дам нажать на кнопку всей этой банде убийц и отсидеться в тёплом клозете противоатомного логова. В этом году, после долгих проволочек и проверок, мне удалось побывать на нашей ракетной базе, расположенной на территории одной из союзных республик. Пожалуй, сейчас меня волнует только эта тема: соотношение полной покорности и нищеты, с одной стороны, и превосходство номенклатурной тупости – с другой. Но, думаю, ненадолго, вот только допью свое пойло, залимоню глаза и прикорну у материнской груди нашей самой... народной Империи мира. Выпей за меня, выпей за своё здоровье. Это верное средство против скуки, да и против нас самих. Не увлекайся этим, дружок, как бы тебя не пинала жизнь, хотя бы из чувства противоречия. И спаси тебя Господь от равнодушия, лени и меланхолии, а подлость тебя сама найдёт. Аминь.

И Гудвин, не прощаясь, довольно бодро протопал на выход, заказав мне по пути литровый бокал хоббитонского эля. Равнодушная соседка не вынесла долгого ожидания

и одиночества и, видимо, находясь под впечатлением его логики, рванула за ним, слегка обернувшись у дверей. Но меня устраивала дармовая выпивка, и я навязываться к ним в компанию не стал. Вскоре ко мне причалила другая птичка, которой я скормил то, что осталось, поцеловал в щёчку и тронулся в путь.

2

Вечер. Тёплый дождь смыл весь туман, обнажив каменный остов огромного города, подрумяненного в покойничкой рекламной зари. Нескончаемое море соблазнов сулили сияющие надписи в выси, но я к ним быстро привык после того, как чуть не расшиб лоб, изучая рекламу противозачаточных средств марки «Шрек никогда». В общем, всё складывалось как нельзя лучше. Я был включён в список студентов первого семестра, обеспечен неплохим жильём из двух просторных комнат, выходящих окнами в пригородный сад, наличной суммой в размере ста с лишним талонов и оптимизмом, положенным мне в этом возрасте.

Я шёл по скользкому вниз тротуару, насвистывая немудрёный мотивчик песни однодневки, и желал себе хотя бы таких же успехов в ближайшие пару веков. Но я не особенно пыжился, понимая, что время и люди преподнесут

мне ещё немало сюрпризов, наверняка более неприятных, чем нужных мне. Поэтому я, несмотря на свой бесшабашный вид, был готов в меру своей подготовки дать отпор окружающим нас соблазнам и злу, помогая Джеймсу Гудвину в его проповеднической миссии укрепления духа в собственном лице. А вдруг и в самом деле со мной что-нибудь героическое случится: например, мне удастся спасти и вырвать из бандитских рук юную деву или старушку, или, в крайнем случае, старичка. И Гудвин напишет обо мне бессмертную книгу типа «Великое Сердце Героя» или «Специфика Жизни Героя».

Где-то он сейчас, бедняга, мается? В роскоши собственной виллы, у семейного очага, в окружении близких друзей? Представляю, как он уморил их своими антиобщественными разговорчиками, пессимизмом и антиалкогольной болтовней. То-то он боится выходить в люди без грима и в парадном барахле. Да, не всякий его поймет. Тем паче, что большинство вообще не понимает никого и не желает понимать. Сложно ему, недотёпе, разве что остаётся книжки кропать. Вот только те, кто развёл этот бардак, его бредней в упор не читают, а те, кто читает, императорами не станут и ничего не смогут изменить.

И подбадриваемый этими весёленькими мыслями, я рванул по Сказочной улице в дежурный кинотеатр, где два сеанса подряд любовался Бондом в боевике «Шпион-

ская любовь». Уж он-то знал, с какой стороны смотреть на мир.

3

Глубокой ночью я возвращаюсь к себе. Осторожно, чтобы не разбудить вахтёра, поднимаюсь на второй этаж, вхожу в комнату, раздеваюсь и открываю окно. Дождь стучит по подоконнику, по протянутым к листьям рукам, размывает уставшее тело, наконец, уходит вниз.

Я лечу в полной тишине, закрываю глаза и вспоминаю свою первую встречу с Мессиром... Надо мной звёздное небо. В небе вместе с бриллиантами...

В НЕБЕ ВМЕСТЕ С БРИЛЛИАНТАМИ

...Умирает кто-нибудь, с кем ты был близок. Знаешь, это как, если умирает часть твоей души... Поэтому постарайтесь продержаться, как можно дольше.

На этот раз я буду предусмотрительнее, вернее, это предусмотрят за меня. Я так и не научился терять людей. Отсюда вывод: быть одному. Особенно, если вокруг толь-

ко воспоминания. С этим ты тоже согласен? Впрочем, мне кажется, ты согласен со мной во всём. Вот за приятеля твоего не ручаюсь. Вчера отказался от купания, видите ли срочное дело, неизвестно где. Судя по ободранным ушам, – дело чести. Верно?

Вспоминая её, я вспоминаю два равнозначных испанских ругательства – это всё, чему я у неё научился. Каждая женщина, я думаю, может заставить помнить себя. Я вспоминаю, когда мне было... когда мне было легче мечтать, чем вспоминать. Я представляю, как мне удаётся спуститься с облаков на землю и сказать самому себе: «Не слушай ничьих советов». Разумеется, лучше использовать советчиков. А ещё я бы посоветовал тому попрыгунчику в тот погожий июльский день навсегда остаться с другой девушкой – с зелёными волосами. Вдруг именно мне удалось бы испортить ей жизнь, а не какому-то врачу с квартирой. Во всяком случае, два года я был счастлив, не зная об этом...

Мне было пятнадцать, ей – столько же. Глухая деревушка, куда я на каникулы приезжал к своей бабушке. Мы сидим в стогу сена возле сельского клуба. Поздняя ночь. Все разошлись по домам. Я включаю и выключаю фонарик, освещающая куст боярышника в серебристой паутине. «Но русалочка не умерла, она живет высоко в небе», – заканчиваю я сказку. «Там, где звёзды... – говорит она. – Когда падает

звезда, умирает кто-нибудь». «Но тот, кто её найдёт, будет счастливым», – добавляю я. На следующий день она сняла с бабушкиных бус одну бусинку – радужный драгоценный камень, и в тот же вечер подарила мне.

В конце войны остаток роты вместе со мной отправили в тыл на переформирование. Тихий дождь в пустом летнем саду. Первые дни после войны наполнены особенной значимостью и тишиной, когда есть самое необходимое: будущее, тепло, запах чистой простыни и дневной сон в купе, довоенный номер телефона и голос любви, надежды и встреч, когда мечта стала жизнью, покоем и счастьем навсегда.

Когда человек не мечтает, он либо стар, либо счастлив. Счастливых стариков нет, даже когда они не одни.

Тебе нравится? Это бриллиант.

ПОХОРОНЫ ЦВЕТКА

1

– Тебе нравится? Это бриллиант.

– Красивый камушек. Извини, мне нужно идти.

– Подожди минутку. Хорошо? Я должна тебе сказать. Давно. У тебя в глазах цветы, синие. Вот. Не бойся, я никому не скажу. Я спрашивала: «Видел ли ты когда-нибудь цветы в глазах?» Но никто не видел, и ни у кого их нет. У меня тоже нет. Но Дональд рассказывал, что видел синих бабочек, в его коллекции есть одна. Хочешь, расскажу тебе сказку?

– Расскажи.

– «Свеча на ветру»...

2

Народный психоневрологический диспансер «Земляничные поля» вот уже многие годы служит кормушкой студентам городского университета. Бесплатное питание, ночлежка про запас плюс еженедельная монета соблазнили и моё неустоявшееся воображение, а справка о психической полноценности после года безупречной работы затмевала по своей значимости льготы страхового диплома.

Главного администратора психушки я после противоречивых показаний опекунов и опекаемых нашёл в актовом зале, где он, раскинувшись в кресле, слушал смешанный хор «бригоголовов». В полумраке я пробрался к одному из кресел возле прохода и сел. Старое кресло отчаянно

заскрипело, привлекая ко мне всеобщее внимание. Главный резко обернулся и спросил:

– А Вы почему не поёте? Марш на сцену!

– Я нормальный, – бестолково ответил я.

– К сожалению, многие в это верят. Все свободны. Репетиция завтра в это же время. Подойдите сюда. Садитесь. Ваша нормальность, молодой человек, явление достаточно распространённое, не отчаивайтесь. Но только на этом этапе эволюционного развития. Где-нибудь на южном острове юное племя местных варваров либо поклонялось бы Вам, сделав духовным вождём, либо посадило бы в клетку городского зоопарка. Всё зависит от уровня понимания или непонимания ваших идей и, в большей степени, от вашей агрессивности и наглости. Интересно, о чём бы Вы говорили, сидя в клетке? Или после клетки?

– Но ведь у варваров нет городов.

– Если представитель разумной цивилизации и посетит нашу планету, я думаю, он вряд ли назовёт эту мусорную свалку городом, а это дикое племя – цивилизацией. Но, что, несомненно, мы поступили бы с этим звёздным мальчиком точно так же, как варвары с океанских островов. Причём, научно доказали бы, что вселенная плоская, а космический корабль – древняя гробница...

Я ждал Вас. Всё случайно и закономерно. Рад, что это именно Вы. Меня зовут Мессир.

3

Вскоре я увидел её снова – в шеренге «бритоголовов» на следующий день работы. Она вышла из строя, назвала своё имя: «Элли», – и посмотрела мне в глаза...

Небо, тень и вечерняя тишина, снег и я, отразившись в зелёном мраморе сумасшедших глаз, иду по кирпичной дороге...

4

– Это волшебная страна?

– Волшебная, чуть-чуть.

– А где все остальные?

– Все там, где им нравится.

5

– ...с одной только разницей: когда прижмёт, они становятся сами собой, тогда уже не до жиру таскать тяжёлый груз хоть и любимой маски. Есть, правда, объединяющее и тех и других начало – это желание спрятаться от действительности, противопоставить ей чью-то другую жизнь, убежать от самих себя, хотя бы и по выдуманной дороге собственных фантазий. Кстати, главное – не смо-

трите ей в глаза, а если попадётся, сворачивайте, тут же отпустит.

6

– Я с Вами согласен, Мессир. Но, по крайней мере, фантазия не оставляет неизлечимых следов грубого бытия, её поступь легка и приятна, её язык – мечты и...

– Ложь... Хотя можно сказать и так: «Святая ложь, излечивающая души, а значит, укрепляющая людей перед всеобщим тленом, сон, утверждающий, что человек и вселенная – это одно целое».

7

– Послушайте, молодой человек, а почему бы Вам с вашими способностями не работать на вражескую разведку или на имперскую охранку?

– Вербуете?

– Впрочем, Вы не подходите ни тем, ни другим.

– Передумали?

– Вы не умеете пренебрегать человеком как статистической единицей ради достижения высших целей.

– Скорее, не хочу. Да и высшей цели как таковой давно уже нет, зато есть строго отмеренный средний имперец.

И здесь я незаменим.

– Ну-ну, двухметровый середнячок.

– Взгляды, только взгляды, Мессир. Так зарегистрировано в моём личном деле.

– Пока, юный друг, пока.

– А что, есть компроматериал?

– У меня к Вам деловое предложение. Не возражаете, если я буду обращаться к Вам на «ты»? Что ты думаешь о Смерти?..

8

До часа ночи я бродил в голубом парковом тумане, пока в соседнем монастыре не погасли последние огни.

Полнолуние. Фиолетовый свет ночных облаков, изменяющий предметы и расстояния. Букет белых цветов, похищенных в монастырском саду. Я иду медленно и осторожно, прячась в последних минутах угасающей ночи.

Утро. Пожалуй, самое любимое время моего бодрствования. Свежесть и одиночество, запах роз в палате, «идушей по кирпичной дороге». Тёплый зелёный луч летнего солнца в мрачной путанице болезненной ночи.

Прочь, детские кошмары, взрослые обиды, лешие и домовые, прочь, придуманная людьми болезнь шизофрения.

72

73

74

75

Ночь. У меня нет желания с ним разговаривать, и я встаю, собираясь уйти.

– Извините, – останавливает он меня, – могу ли я Вам чем-либо помочь?

Внимательно смотрю на него: усталые, в красных прожилках глаза, седина и простодушная улыбка.

– Помочь? – повторяю я. – Это из профессиональной любезности?

– Так поздно в церковь редко кто заглядывает, особенно летом.

– А что, в другое время года, в ненастье и холод, верующих больше?

– Зимой в церкви многие ночуют, здесь тепло, есть крыша над головой. И для них это реальная помощь.

– Пожалуй, единственная помощь Господа Бога человеку в созданном им мире страданий и зла.

– И добра, в том числе.

– Добра? Это то, во что не верят и во имя чего насилуют, убивают и продают?

– Но разве Бог грабит, продаёт, завидует, унижает и убивает людей? Разве Он проповедует насилие, ложь, лицемерие и ханжество всех оттенков? Разве Бог натравливает один народ на другой, разделяя и властвуя во имя

78

79

Сына Господня? Наверное, поэтому человек только в минуты подлинного несчастья вспоминает о Нём, вспоминает, как о последнем средстве и возможности исправить своё горе, и приносит Ему всевозможные клятвы и обещания. И если Бог ему не поможет, грозит Ему кулачком и бранится. Почему же мы не думаем о Боге, когда довольны и счастливы, сыты и обуты и нас не терзают болезни и страхи? Да потому что человек и с Богом готов торговаться, потому что человек считает только до самого себя, собирая камни собственной вины и корысти, глупости и расчёта. И если человек воскликнет: «Верую!» и соберёт вокруг себя людей, и выстроит дом с колокольней, и обкурит его ладаном и религией, то можно ли винить Бога в этом? В том, что человек, спекулируя болью и именем Его, не верит никому. И если человек действительно верит, то он и в церкви верит в единственную Божью ценность – любовь.

И неожиданно он снова улыбается, смущённо и потерянно:

– Извините, наверное, Вам пора, а я только задерживаю Вас.

Я вынимаю из кармана блокнотный листок и протягиваю ему:

– Здесь имя, если это возможно, то помяните её. В молитве за упокой.

Он провожает меня до церковных дверей. Я иду через

кладбище. Оглядываюсь. В темноте виден освещённый дверной проём. Через час наступит утро.

10

– ... оставляя за собой серебристые искры гаснущих роз в полутьме звёздных дорог. И эти розы для тебя.

– Спасибо, Волшебник.

– Лесное озеро, тюльпановый сад, нежный шёпот родника у твоих ног, милая фея...

Может быть, там, где сумели назвать сказкой, ещё никем не написанной, в давние-давние времена. В одном царстве-государстве жила-была русалочка...

– Обними меня. «Расплывается пеной».

– «Над морем поднялось солнце. Лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала, что умирает. Она видела ясное солнце и какие-то прозрачные волшебные создания, во множестве реявшие над ней. Сквозь них она видела белые паруса корабля и алые облака в небе. Голос призраков звучал как музыка, но музыка столь возвышенная, что люди не могли бы её расслышать, как не могли бы увидеть и этих беспечных существ...»

«Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если находим там доброе, послушное дитя, кото-

рое радует своих родителей и достойно их любви, то улыбаемся, и срок нашего испытания сокращается».

– И я вернусь к ним обратно? Я не хочу к людям. Они снова отправят меня в палату.

– Я тоже этого не хочу. Поэтому мы навсегда забудем секрет, как вернуться обратно, забудем, потеряем ключи. И отправимся в долгое-долгое путешествие.

– Где живет Волшебник Изумрудного города?

– И цветы. Ну, а пока ты нужна здесь мне и себе. Будь умницей, дверь никому не открывай.

– А если это будет Бог?

– Скажи ему, что Бога нет.

Серый туман накрыл памятники и деревья. Ночь стала ещё темнее, звёзды за облаками больше и мягче. Рокот далёкого грома слился с журчанием родника у могилы «идущей по кирпичной дороге» Элли.

– До свидания, малыш. Спокойной ночи.

Влажный ветер рассеял неплотный туман. Холодноватый, мелкий дождь наполнил воздух мириадами капель влаги. Подняв воротник плаща, я вышел на главную аллею. До ворот меня провожает мой старый приятель – кладбищенский пёс.

ЗАПАХ СОБАЧЬЕЙ ШЕРСТИ

...напоминает мне детство, ту пору, когда ощущение защищённости и собственной значимости весомо и реально, особенно, во время очередной детской болезни. Мама мне ставит горчичники, закутывает в плед из собачьей шерсти, накрывает огромным пуховым одеялом; я пью горячее молоко с маслом и мёдом. И за все эти неприятности мне разрешают читать допоздна только что подаренные книги. Самые счастливые минуты моего детства – это болезни и чтение интересных книг. Время идёт иначе, оно послушно и рядом, я – вне его, либо с ним, со своими любимыми героями: Маленький Принц, Элли, Гудвин, капитан Немо, Шерлок Холмс, Воланд, Азazelло, Гелла и, конечно же, вы – Дин Гиор и Кот Бегемот.

– Порядок, Дин. Твое полотенце на стуле, принеси его сюда. Теперь очередь Кота. Нечего морщиться – мыться нужно всем.

Сегодня отличная погода, весь день солнце, безоблачное небо. Мы с Динком собирали грибы, у него великолепный нюх на боровики. Потом купались и загорали. Дин, правда, больше бегал за бабочками. Молчу, молчу. Я тоже за ними бегал.

Завтра принесут пенсию. Устроим маленький такой уютный банкет. Приказ по гарнизону: мы с Динком пре-

творяем в жизнь план тотальной уборки вокруг дома и в саду, а тебе, дружок, – генеральная уборка внутри дома.

Ночь сегодня под стать дню: сколько звёзд – Млечный путь, Большая Медведица. Кажется, вот та звезда – Полярная. Нет, не эта? Наверное, в своих походах по звёздам ориентируешься? Упала звезда. Всё никак не куплю подзорную трубу. В городе, в комиссионном видел прекрасную вещь – тридцатикратное увеличение, но не было с собой столько денег.

– Дин, открой дверь в сад. Воздух чудесен, пахнет лесом и розами.

Вы обратили внимание, какой замечательный цветок появился в саду? Садовник из меня так себе, но, всё же, кое-что получается и у нас. Розовый куст прижился. Его первый цветок – лучшая роза в нашем саду.

В НАШЕМ САДУ

1

– Рай – далеко не обитель абсолютной гармонии, добра и совершенства. Зачем там растёт дерево с плодами зла?

Или знание – не зло и райский сад – не часть добра? И у Бога нет тёмного и светлого, а только цель, где все средства хороши? Но, буду честным, есть и другая версия: каждый, в созданной Творцом вселенной, имеет право выбора своей цели и своего дерева в любом саду. Поэтому в моём саду растут только плоды удовольствия, за которые, естественно, надо платить.

Я рад, что ты со мной, что ты с нами. Я уверен, что ты понимаешь: кроме своей дружбы мне нечего тебе предложить, и ты больше теряешь, чем приобретаешь, став Смертью. Ведь мой сад только для глупцов. Спасибо.

– Это Вам спасибо за дружбу, Мессир.

– Хорошо. А теперь я познакомлю тебя с твоим коллегой, который будет помогать тебе во всём. Его имя – Аззелло.

2

– Вот, пожалуй, и всё обо мне в этой жизни. Как видишь, немного. Твоя жизнь, Аззелло, намного интереснее. А могу я называть тебя при посторонних как-то иначе? Твоё имя звучит необычно в этом мире. Не будешь против, если, например, Дин? Так звали моего друга детства.

– Почему бы и нет. У меня этих имён не меньше, чем у Мессира. Договорились. Тогда и я, если не возражаешь, буду звать тебя Волшебником. Ведь Смерть – это волшебство.

3

– Тебе не нужно отправлять всех умерших в другой Свет. Этот процесс, говоря техническим языком, автоматизирован. Главная задача – исправлять ошибки, которые могут быть определяющими для всего мира. А их, поверь мне, не так уж и много. И это не односторонняя работа – ликвидация, затем чистка времени и пространства. Это дорога в обе стороны. Ведь любая автоматизированная программа даёт сбой. И жизнь одного человека бывает важнее исправления Смертью тысяч других.

4

«Сцепи-ка руки, парень, и если большой палец левой руки сверху, ты обладаешь парадоксальным мышлением», – взрывалось и гасло надо мной. Я не сцепил (а вдруг не поможет) и свернул в неосвещённый переулок подальше от центра, машин и городской суеты. Неоновые сполохи били в спину, отражались от стен и мостовой и, наконец, оставили в покое тени и тишину. Я забрёл в случайный дворик и присел на деревянную скамейку под кустом распустившейся сирени. Матовый полумрак таинственно смягчал очертания предметов. Всё стало смутным и расплывчатым, уносилось вдаль, исчезало и по-

являлось вновь. Время остановилось, повернуло вспять, как будто заново отсчитывая дни нынешнего и прошлого года с момента моей встречи с Мессиром и его свитой, и как будто только вчера меня называли Волшебником и Смертью мои настоящие и единственные друзья. Я забылся, расслабился, застегнул до подбородка плащ, и вдруг услышал неожиданно зазвучавшую в вечерней тишине, давно забытую мелодию песни «Через Вселенную».

На полуосвещённом балконе второго этажа, сидя в кресле-качалке, курит старик. Дым сворачивается в кольца, разбивается о деревянную решётку и уплывает в заросли дикого винограда. На мгновение в свете уличного фонаря появляется дрожащая рука, стряхивает пепел и вновь исчезает в мягкой темноте пледа. Я представил себя таким же немощным и никому не нужным стариком. Конец жизненного цикла: капли, отвары, недержание, воспоминания и одиночество. Одиночество, полное лицемерного внимания безразличных потомков и обоюдного ожидания твоей смерти. Чтобы обмануть себя и их – глухота, мудрые советы, суждения обо всём. Бессонные ночи, музыка, чужая молодость и чувство, что для какого-то сукиного сына ты стал предметом анализа и сравнений. Я улыбаюсь и неожиданно для самого себя шлю воздушный поцелуй. Старик отвернулся – бледное пятно на фоне неосвещённой комнаты. Мгновение спустя на балкон выхо-

дит девушка, жёлтый свет ярким флёром ложится ей на плечи, косым лучом падает вниз к моим ногам. Она обнимает старика, что-то тихо говорит, смеётся и шлёт мне в ответ два воздушных поцелуя. Я встаю, говорю: «Спасибо» и ухожу прочь. Тёплый туман...

Я выбрался на опустевшую улицу с веткой сирени в руке. Впереди голубой квадрат проспекта. Я останавливаюсь, на слабом фоне машинного шума – музыка и печаль. Я ухмыляюсь, прочтя надпись на стене, и бодро вышагиваю так, будто знаю, куда иду. Во всяком случае, это мне не грозит. В бессельности и равнодушии – залог удач и успешного продвижения навстречу новым приключениям. Но не на пустой желудок, иначе чувство свободы приглушается, и возникают чувства иного сорта. Поэтому я поднимаюсь вверх, минуя проспект, сворачиваю за университет и вхожу в местную обжорку, где всегда полно народа. Это как-то объединяет и растормаживает; не надо следить за самим собой, всем наплевать, что ты из себя корчишь, лишь бы никому не наступал на ноги. Я беру вечерний комплекс. Он неизменен и в цене, и в качестве, и это меня тоже устраивает, потому что мой лужёный желудок интересуется только количеством.

Моё любимое место возле окна занято, и я устраиваюсь в тёмном углу под стандартным лозунгом: «Жратвой не сори, страшно осторожно в меру бери». Напротив мой

сосед по столику приканчивает десерт, перед ним гора пустой посуды, пепельница забита косточками маслин. Мне его уже не догнать, и я, не спеша, с чувством глубокого удовлетворения набрасываюсь на гуляш. Когда я покончил с ужином, сосед всё ещё сидел рядом со мной, пыхтя дорогой сигарой. Пиджак он снял, и теперь я вижу напечатанные на его рубашке красным шрифтом слова: «Сцепи-ка руки, парень...» Я уже не раз замечал, что с девушками интересными лучше знакомиться на улице: «Вы не могли бы быть моим гидом в незнакомом городе?». А с другими любыми лучше после еды и выпивки. «У меня сегодня праздник, не выпьете ли Вы вместе со мной?» – говорю я дежурную фразу.

– Угу, – отвечает сосед. Я заказываю бутылку сухого и в ожидании продолжения беседы (пьёшь на чужие, так нечего отмалчиваться) поощрительно улыбаюсь. Он снимает фуражку, стряхивает пепел в бокал (не мой) и тоже улыбается так, что уши сходятся на затылке. Мы молчим и бьём рекорды по улыбанию. Наконец, приносят бутылку. Он вынимает сигару изо рта и, всё ещё улыбаясь, говорит: «Полезно для здоровья». Чёрт его знает, что он имеет в виду: то ли вино, то ли наши дурацкие улыбки, то ли пепел в бокале, куда он сейчас наливает до упора, правда, предварительно налив мне столько же. Я поднимаю бокал и называю первое попавшееся имя. Он отвечает мне тем же:

– Капитан. И поняв, что этого маловато, добавляет: «Ну, скажем так – капитан Немо», и ухмыляется ещё гаже.

– За ваше здоровье, капитан, – говорю я, не моргнув глазом.

– Взаимно, – отвечает он, помешивая ложечкой в бокале. Хорошо хоть не пальцем. Я делаю вид, что всё в порядке вещей, и храбро цежу свою долю. Меня так и тянет спросить, что означают слова на его рубашке, но я терплю: в выдержке – сила. Одно я знаю наверняка: мышление у него явно парадоксальное. Оставив ложечку в бокале, он рассматривает вино на свет. Может быть, после этого он попробует его на вкус или предварительно нужно вино ещё пощупать. Я безразлично гляжу по сторонам и не тороплю события: слушая, узнаёшь гораздо больше для себя, чем выбалтывая то, что самому может пригодиться. Правда, слушать пока было нечего. И не успел я открыть рот, чтобы продолжить эту увлекательную беседу, как к нашему столику причалил бармен с запиской в руках и, хмуро щурясь, сунул её капитану. Тот, не торопясь, прочёл записку, положил сигару на стол, сказал: «Спасибо за угощение» и пошёл к выходу. К выпивке он так и не притронулся. Что ж, оставим бутылку заведению. Не думаю, что это значительно увеличит их доходы, но одному мне пить ещё не приходилось, и сегодня, по-видимому, мне так и не узнать, что означают слова: «Сцепи-ка...», ну, и так далее.

«Любопытство не порок, а такое хобби», – напеваю я под звон бьющейся витрины. Осколки летят на посетителей, сверкают новогодними звёздами и проливным дождём падают на пол вместе с моим собутыльником. Он сжимается в комок, тут же ежом разворачивается и вскакивает на ноги, опрокидывая мой любимый столик. Хорошо, что я там не сижу. На лбу у него рваная рана, кусок кожи навис над глазами, фонтаном хлещет кровь. К нему подбираются пятеро дюжих парней с колющими и режущими предметами, наверняка собираясь улучшить местное меню. Они не спешат, кто-то даже мягко упрекает капитана: «Ну, что доигрался, старый дуралей». И это их погубило. «Я всегда заступаюсь за своих друзей, с которыми болтаю и пью, даже если они не правы в чём-то и не нравятся другим, в том числе, таким симпатичным парням», – думаю я, превращаясь в шар из мелькающих сплошной завесой ног и рук. Этот приём у меня всегда проходит на «ура» и отрезвляюще действует на всех: повторения обычно не требуют. Я врубаюсь с правого фланга неприятеля, поднимаю на воздух двоих – мелькают под потолком чьи-то вставные челюсти – опытные ребята, лишний груз долой, и где-то у меня за спиной, около стойки, приземляется всё остальное. Я останавливаюсь и предлагаю перемирие: «Вон отсюда!». Но моё предложение отвергнуто, мальчуган справа вытаскивает огромный кольт сорок пято-

го калибра – хром, мраморная кость, надпись на стволе: «Смерть дуракам». И мне этот лозунг по душе. Из разбитой витрины в зал прибыло подкрепление кольту в количестве трёх человек. В столовке давно никого нет, кроме меня, моего дружка и желающих подохнуть почему-то, именно, сегодня. Я улыбаюсь, говорю: «Ну, это другое дело», и поднимаю руки. Пространство исчезло, серые, неповоротливые тени выстроились в одну линию, и уже в воздухе я раскрываю «веер юлы» от середины к вновь прибывшим смертникам. Тени ломаются, падают, кольт по диагонали медленно летит рядом со мной. Я оставляю его в стороне и возвращаюсь к исходной позиции. Стены и пол забрызганы кровью, инцидент исчерпан. Ко мне подходит капитан, лицо у него в крови, одной рукой он держится за лоб. «Надо уходить», – говорит он. «И, как можно, скорее», – добавляю я и чешу на выход.

На улице собралась толпа, движимая тем же вечным хобби. Перед нами все расступаются, мы беспрепятственно уходим и сворачиваем в ближайшую подворотню. «Это моя машина. Вы умеете водить? Впрочем, конечно же, умеете». Я не упираюсь, беру у него ключ, и через несколько секунд мы с приличной скоростью шуруем по громыхающей мостовой старого города. Банда в бегах. Я вытаскиваю из-за пазухи ветку сирени и вставляю её в щель между панелью и ветровым стеклом. Капитан

странно смотрит на меня, но вслух не высказывается. Как я заметил, он не любитель зря трепать языком. И тут он прав, как учили меня давным-давно: когда не знаешь, что сказать, или под рукой нет дежурной фразы – промолчи, это будет не менее весомо. Салон наполняется запахом сирени, а значит весны. Я мчусь через весь город и рассчитываю вовремя поспеть к пересменке. У Дина – Азazelло сегодня свидание: у его любимой, наконец-то, уехали родители, и им почти месяц не придётся бродить по гостиницам. Мой новый знакомый по-прежнему молчит, ни о чём не спрашивает, в придачу ко всему он ещё и не любопытен. Впрочем, сейчас не до этого, главное – успеть. Мы несёмся мимо монастыря, я сбрасываю скорость и чинно въезжаю в больничный парк. Фары выключены, по инерции машина катится вперёд, шины шелестят по мокрому асфальту, тополиные ветки сбрасывают на нас весенний пух. Туман и шорох лиловой листвы. Машина исчезает, спрятав нас от всех на свете. Мы идём по траве; земля тиха и упруга, на первом этаже в дежурке свет ночника. Окно раскрыто, на подоконнике сидит Дин в белом халате в ожидании. Мы идём напрямик к нему. Он спрыгивает на землю и идёт навстречу. Я поднимаю руку и приветствую в его лице вечный обман взаимной любви. Я знакомлю их, забираю у Дина халат и вручаю ему ключ от машины: «Не радуйся, машина на примете.

Отгони её к Гелле, она приведёт её в порядок за пять минут. Ты, наверняка, успеешь».

– Зато проезд бесплатный, – беспечно отвечает он и уходит в ночь. «Ну, что за люди окружают меня», – думаю я, перевязывая капитана. Мы уже в дежурке, и я приступил к выполнению своих обязанностей. Ни вопросов тебе, ни элементарной естественной любознательности. Это меня подбадривает: есть на кого равняться и брать пример. Ветка сирени в бутылке из-под кефира ожила и манит к себе светлячков; через равные промежутки времени они подлетают, накачиваются нектаром и отваливают прочь. Теперь я знаю, что сделаю в ближайшее время: посажу под окном дежурки куст сирени, а то и два, чтобы незаметнее сматываться и принимать гостей. А ещё лучше, посажу-ка я в нашем саду кустов сто-двести, тогда меня точно никто не найдёт. Координаты капитана Немо неразборчивым почерком (чем хуже, тем лучше) я задним числом заношу в книгу приёма больных. Эта запись сохранится в течение десяти дней, потом она выветрится, но я надеюсь, что этого времени будет вполне достаточно, чтобы выяснить у него насчёт той надписи на рубашке. А пока суть да дело, я включаю телевизор и с завистью смотрю на драки и погони суперменов в многосерийном боевике «Секретная служба».

СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА

1

Все наши секретные и спецслужбы работают по принципу: «Всякое улучшение – опасно: чем хуже, тем лучше». Что мы можем противопоставить любви?

Только любовь. Но нет ничего хуже этой фантазии. Страх предательства заставляет нас стать жестокими детьми, отрывающими крылья кузнечнику, бабочке и себе подобным. Остатки веры мы используем всю жизнь лишь на то, что всегда под рукой – кольт сорок пятого калибра, символ счастья и полноценности. Поэтому мы считаем: «Всякий приближающийся ко мне на расстояние протянутой руки, даже если в этой руке любовь – злой ребёнок, а я – бабочка». Думать так – тоже фантазия.

2

Я думаю о том, что древние были правы, соединив судьбу каждого с определённой планетой. Может быть, после смерти мы вновь вернёмся на свою планету, до нового рождения. И всё же я предпочёл бы путешествовать, хотя бы после жизни, раз не удаётся сейчас. Я и на том свете

стану неисправимым мечтателем. Исправимым стать у меня не получилось. Путешественник – дитя во времени.

3

Лучший способ приспособиться – это удирать, чем я и занимался всю жизнь. Не всегда успешно. Ну, а теперь и бежать вроде некуда и не от кого. Вполне возможно, именно поэтому меня и тянет к путешествиям. Когда удираешь, всегда найдётся кому догонять...

4

Старое кафе в старом городе, музыкальный автомат за пятак играет на выбор две песни: «Банда в бегах»: «Денежки-деньжата, как вас накопить? Водка дорожает – надо меньше пить...», – ну, и так далее, и «Секретная служба»: «Мы живём в холодной и жестокой стране. Там нет солнца, луны и звёзд, кроме дождя. Там острее чувствуется одиночество, а на лицах написано отчаяние. И если вдруг появится огонёк в ночи, сердца наполняются тревогой».

В детские годы меня привлекало в этом кафе, прежде всего, мороженое. Сведения о любви я черпал в школьном туалете и из журнала «Здоровье». Мне кажется, с тех пор по этому вопросу многое изменилось, включая современное

обучение, интернет и количество интересных журналов...

Дин, подпевать мне необязательно. Всё равно нас никто не услышит. Вот, если бы лет семьдесят тому назад, да при полной луне... В полнолуние я озвучивал весь квартал, приходилось маме выносить меня на улицу, где светила луна – я убеждался, что всё на месте, и засыпал. Ничто в детстве не могло заменить мне луны. Ну, а с возрастом я стал иным, менее разборчивым, и спал, где придётся. Кстати, пора спать... Завтра с раннего утра предстоит прополка сада, невесть откуда появились сорняки.

БАНДА В БЕГАХ

1

– ...все так называемые цветы – просто сорняки. Жечь их надо. А Микки – славный парень, башковитый. Добрая и отзывчивая душа: за водярой сбегать всегда без возражений и увёрток. Я его точно в понятия брать буду. Мне, главному участковому, такие люди позарез нужны. А до чего весёлый! На днях захожу в дежурку, а он, зараза, вспорол кошке брюхо и насовал в эти кошкины потроха

проводов от Большого Утюга. А у самого морда довольная: «Бу-бу-бу, бу-бу-бу», – кошка глазами лупает, ни хрена не поймёт. Тут я от смеха чуть не кончился. Так он меня доконал – обкрутил кошку проводом и выпустил из дежурки. А сам по клавишам наяривает.

2

Ночь, надорвавшись бледной полоской зари, уступила место летнему утру, в раннем покое которого я ощутил себя ещё моложе. Осторожно ступая с носка на пятку, чтобы не потревожить спящую Геллу, я пробрался к выходу навстречу лёгкому утреннему дождю. Пробегая милую за милей по мокрому, ещё пустынному шоссе, я развлекал себя беседой с самим собой. Но вскоре не совсем тактично меня прервал рвущийся в город на огромной скорости «Континенталь», чёрный передок которого промелькнул в нескольких сантиметрах от меня – в последний момент я успел отпрыгнуть. В боковом окне машины я разглядел прыщавое лицо довольного молодца. Ясное дело, малыш пошутил, этак его воспитали. Не дай Бог травмировать ребёнка необоснованными отказами, ограничивать его свободное волеизъявление. Надо ему подсобить. И я, свернув на просёлочную дорогу, вскоре догнал лихача, выбежал на шоссе и перешёл на обычный бег. Милые детишки

вначале давят кошек в гимназии, а потом людей. Через несколько минут показалось знакомое рыло железной зверюги, громыхая костями и плотоядно урча, она, не сбавляя темпа, неслась на меня. Субчик внутри призадумался, но решил, что таких чокнутых, как я, разве-лось, и нацелился выкинуть фортель и с этим бегунком. Когда до машины оставалось несколько метров, я резко остановился и выбросил навстречу ей руку. Металл, стекло, кожаная обшивка салона, утрамбовавшись в стонущий, скрежещущий комок, с диким воем рванули в другую сторону. Покойный «Континенталь» уже без верха и задних дверей, вихляя и всхрапывая, умчался в ближайший кювет. Когда я подошёл к захоронению, из железного гроба выбрался на свет Божий побелевший юнец.

– Молокосос, – участливо обратился я. – В следующий раз уши оборву.

Поверить в это грозное обещание было нетрудно, и я снова продолжил свой бег. Вскоре шоссе наполнилось грузовиками, автобусами и легковушками всех мастей, и всё это стадо легко обгоняло меня, фыркая и шипя так, что я пугался до смерти. Наконец, за ближайшим поворотом я увидел милый моему сердцу вишнёвый флигель виллы капитана в окружении разноцветных пихт.

Несмотря на беспечно открытые окна спальни, дом был опоясан общей системой безопасности. К сожалению, под рукой не было даже привычной канцелярской скрепки. Пришлось использовать другие знания. Легкий шёпот голубых фиалок на мгновение замер в прозрачном воздухе, контрабандой пропуская меня к открытым окнам. В благодарность я не наступил ни на одну из них. Что может быть хуже, чем цветы в грязи?..

3

В больницу я вернулся как раз к утреннему обходу. Микки Маус – «славный парень», приветствовал меня своим обычным мычанием, уверенно выпрашивая припасённую мной заранее плитку сахара. Сунув дрожащей рукой сахар за пазуху и грустно улыбнувшись, наверняка, не мне, в недавнем прошлом профессор медицины, дёргаясь и постанывая, засеменил в сторону открытых дверей больничной дежурки. Профессор сошёл с ума после того, как узнал о том, что от его чудодейственных пилюль с помощью правительства вымерла половина населения одной из восточных республик. Всё дело в дозе. И в политике. Где возможны любые дозы.

По коридору навстречу мне, покачивая бёдрами (эта походка появляется у неё при виде любого мужчины, только

амплитуда качания разная), шла пышногрудая красавица Гелла.

– Привет, малыш. Как провёл ночку?

– Лучше прежнего, Гелла. Ты сегодня отлично выглядишь.

– Я всегда отлично выгляжу.

– С каждым днём всё краше и краше. Глаз не оторвать.

– Правда, малыш? Не врёшь?

– Особенно, в этой шикарной юбке.

– Она на пуговичках. Смотри, как легко расстёгивается.

– Мне трудно, а вдруг не выдержу?

– Пошли со мной, я тебе помогу.

– Что ты, Гелла. А если мама узнает?

– Трусишка маленький.

– Ну, нет. Хочешь честно?

– Давай.

– Я боюсь.

– О, это так просто.

– Я боюсь в тебя влюбиться.

– Я тоже, маленький.

И, встав на цыпочки, она целует меня и уходит. Но на этот раз скромной девичьей походкой, и потому выглядит ещё соблазнительней.

Я иду дальше, мимо второго отделения, фикуса, Шалтай-Болтая в каске. Вот уже почти десять лет он

стоит, прижавшись лбом к мраморной колонне, с побудки до отбоя, пока его связанного не кладут в постель.

Вспышка света в густой парковой зелени. Чёрные решётки на окнах отразились на матовой белизне коридорной стены. Через мгновение стало ещё темнее. В полумраке, подняв хвост трубой, промчалась красная пятнистая кошка и скрылась за полуоткрытой дверью дежурки. Дверь тут же захлопнулась. Скользящим, неслышным шагом я – любознательное существо приблизился к дежурке, быстро открыл замок и распахнул дверь. Возле главного операционного компьютера – Большого Утюга на корточках сидел Микки Маус и скармливал стае из пяти разношерстных кошек мой сладкий подарок. От изумления я злое еще ухмыльнулся. Кошачий взвод дружной россыпью бросился в открытое окно. Банда в бегах. Профессор, вытянув руки по швам, преданно улыбался мне. И, наконец, пустив слюну, забормотал: «Бу-бу-бу»... Вскоре топот его мелких шажков затих в коридоре. Однако, не все участники пира покинули меня, рассчитывая на его продолжение. Под столом, не дыша, притаилась самая жадная, а значит самая ловкая, красная пятнистая кошка. Очутившись в моих руках, она закатила глаза и приготовилась к неминуемой

смерти. Вот оно, преимущество любопытства перед жадностью: любопытный не ест сахар, он отдаёт его другим. И, вспомнив о единстве методов, порождаемых жадностью и любопытством, я скармлил ей сахарные остатки пиршества. Вдруг мои пальцы нащупали в густой красно-серой шерсти продолговатый предмет. От него, спеленав всё тело кошки, шёл тонкий двужильный провод. Оставался ещё один последний пункт – шрам на кошачьем брюхе. Но нигде не было даже намёка на царапину. Что ж, отличная работа. И я громко говорю в микрофон возле кошачьего уха: «Босс вызывает прохфессора». В ожидании Микки я скармливаю разомлевшей от моего благородства кошке дополнительную порцию сахара. Шаги за спиной. Я широко улыбаюсь и, издеваясь, лепечу: «Бу-бу-бу». Это не Микки. Это – главный.

Что там людей – это привычно, Служба использует даже животных. Общее презрение и равнодушие делают кошек незаметными, а информация всегда дороже микрофонов. Профессор любит кошек больше охраны и информации. Кстати, этот микрофон уже отсоединён. Ты прервал профессора и распугал всех.

5

Слегка хромая – следствие утренней пробежки, я подхожу к палате капитана, стучусь. Дверь тут же открывается – на пороге гроза преступного мира, бывший инспектор полиции – капитан Немо. В период очередной перестройки его отправили на пенсию, этак лет на десять раньше срока. Эти сведения я раздобыл на его вилле, роясь без спроса в дипломах, оружии и картотеке сыщика. Слава Богу, я там не значился.

КАПИТАН НЕМО

1

Я сижу в кресле Немо и, пользуясь его гостеприимством, поедаю вишнёвый компот – три литра, надолго хватит. Моё дежурство в разгаре, мы болтаем, и капитан рассказывает о себе.

114

2

– Двадцать пять лет тому назад я начинал в полицейском управлении города рядовым детективом. Вскоре я стал работать на пару с легендарным Холмсом. Многому он меня научил в те весёлые времена Последней Встряски и Сухого Запоя. И, прежде всего, умению слушать, видеть и топать. Топать – больше всего. Стать незаметной частью толпы, невидимым на безлюдной улице, мгновенно менять внешность, голос, походку, читать с губ, знать язык жестов и, конечно же, обходиться без оружия. Двадцать пять лет тому назад. А потом началось время Большого Отстрела, и жить стало ещё веселее. Тогда мы с Холмсом и выследили банду Мориарти – Чёрного Эскимо. Как сейчас помню последние слова Эскимо: «Я любил людей и мороженое». За день до того, как ему продырявили голову, он выпустил всю обойму в продавца мороженого лишь только за то, что парень не пропустил его без очереди раньше отряда Октябрьских Сирот. На следующий день после смерти Мориарти уголовники устроили торжественные похороны своего босса, объединившего городские банды Бармалея, Лешего, Коцея Бессмертного, Кикиморы и Соловья-Разбойника. Они прошли маршем через весь город. Ну, разумеется, демонстрацию, зарегистрированную в мэрии, охраняла полиция. Кстати, мэр предупредил Холмса и меня,

115

что за нами началась охота. Этому можно было поверить, особенно после того, как Холмс вышел на связь начальника управления полиции с Чёрным Эскимо. И мы исчезли, став кладбищенскими землекопами в церковной бригаде города. Больше двух месяцев Холмс и я вкалывали подмастерьями небесной канцелярии, отправив в лабораторию смерти ещё двадцать уголовников, погибших после кончины босса в борьбе за власть. Бригадный староста развлекал нас разными историями из своей богатой кладбищенской практики. Само собой, о вампирах, вурдалаках, о похитителях трупов, живём закопанных, скелетах и призраках. Вскоре и мы стали в это верить.

Однажды, готовили мы на пятом километре могилу для богадельни. Стемнело. Земля там дрянь – камень и глина. Мы подзадержались. Так вот, как-то незаметно возле нас появилась парочка – молодые такие ребятки. Ну, это не редкость, кладбище давно служит и смерти, и любви. Мы на них внимания не обращаем, дело делаем. Только слышу я, парень своей подруге и говорит: место, мол, здесь хорошее, ветренное, да и до горы рукой подать, и показывает на Ведьмину гору. Успел я краем глаза заметить, как между рукой парня и горой искра проскочила, но виду не подал, согнулся и больше в ту сторону не смотрю. А девушка нежным, хрустальным голоском просит нас: «Не копайте, пожалуйста, глубоко, а то нам трудно вставать».

Сэм – здоровенный дубина засмеялся: «Кончайте шутить, детишки, и проваливайте отсюда подобру-поздорову». Ну они как стояли, так и исчезли в тумане. Глубже мы больше не копали, подравняли только могилу. Сэму староста сказал: «Давай, парень, выбирай: либо пешком назад топаешь, либо – вот тебе ключ, езжай один». Тот усмехнулся, сказал: «Мы – хоббиты ничего не боимся в вашем больном мире», взял ключ и был таков. С тех пор ни автобуса, ни Сэма. Иногда с Ведьминой горы мы слышали звуки автобусного матчиша, или полоснёт оттуда светом автомобильной фары. Но, чёрт его знает, может быть, это охранка имперская развлекалась. Взяли они за моду там пикники устраивать.

Мы с Холмсом продолжали ждать результатов расследования парламентской комиссии по нашим материалам о коррупции среди высших полицейских чинов города. Однако, комиссия не торопилась, и мы отсиживались в тиши кладбищенской благодати. Как-то раз Холмс сказал: «А что, работа мне эта нравится. Нет тебе ни судов, ни волокиты, ни пуль, ни мордобоя. Жаль, правда, и Прокуратора нет. Пока. Чтобы в конечном итоге оправдался его девиз: «Смерть одного – трагедия, смерть миллионов – статистика».

Вскоре дело по старой специальности нашлось нам и здесь. Церковная бригада готовила могилы по километровым участкам в южном и западном направлении.

Обычно на одном участке работали около месяца. Как раз через неделю после нашего вступления в союз гробовщиков бригада закончила очередной участок и приступила к работе на юге. Но на следующий день им пришлось вернуться, чтобы установить стандартный мраморный венок на одной из ранних могил от спохватившихся наследников. Когда мы прибыли на место, признаюсь, в начале я подумал о вурдалаках и прочей чертовщине. Но староста успокоил нас, напомнив, что нечисть не занимается массовой кражей трупов, а выбирает лишь грязные и тёмные души. Случалось, конечно, что ради золотых побрякушек вскрывали могилу. Но никогда покойника не обижали: люди, видно, были верующие и опытные; могилу всегда приводили в порядок и, как правило, следов не оставляли. Во всяком случае, поживиться им на этом участке бедняков было нечем. Зрелище, конечно, было не из приятных. Только Холмс, наоборот, повеселел – бродит среди развороченных гробов, насвистывает: «Империя, Империя превыше всего». Надоело парню без настоящей работы. Холмс уговорил старосту в полицию не сообщать. Впрочем, староста сам понимал, что нам лишний раз с полицией встречаться не с руки. Хоть мы и изменили внешность, а бережёного Бог бережёт. Я предложил установить ночное дежурство. Но Холмс отказался, сославшись на головные боли при виде василисков. И вот так, шутя, как я

понял, он решил замять это непонятное и таинственное происшествие.

Мы проработали в бригаде гробовщиков ещё месяц, закаляя нервы встречами с дьяволом и его помощниками. Но всё проходит, и мы, наконец-то, вернулись на службу, где нас с триумфом встретили ребята, а шеф вручил тройную премию вместе с приглашением от секретаря Прокуратора. К тому времени перетрясли всю городскую полицию, и начальником управления назначили старину Фараманта – лучшего партнёра Холмса по игре в бридж. И только после всего этого Холмс напомнил мне о моём предложении провести ночь на городском кладбище. К моему удивлению, он привёл меня на южный участок, где работу бригада кладбищенских землекопов закончила буквально за день до нашего возвращения в управу. Расспрашивать я не стал – всему своё время. Эта ночь кроме комариных укусов не принесла нам ничего. Под утро нас сменили – шеф организовал круглосуточное дежурство. Днём меня разбудил телефонный звонок Холмса, и я в срочном порядке выехал на кладбище. К этому времени там произошли кое-какие события. На сержанта, наблюдавшего за участком, напала стая, по-видимому, здорово голодных крыс. Он вовремя добежал до машины и отделался лишь несколькими укусами. То, что крысы в нищих кварталах города нападают на малолетних де-

тей, мне было известно, но чтоб они сдуру бросились на здорового полицейского... Впрочем, за время кладбищенской стажировки я ко всему привык. Я подросел как раз к началу: Холмс щедро разбрасывал под кустами чертополоха куски мяса, приговаривая: «Цып, цып, цып...» Спрятавшись вместе со мной за каменным идолом, он сказал: «Бедненькие крыски, они так давно не жрали человечинки». «Немо, – продолжил он, хлопнув меня по плечу, – закрой рот. Пора сообразить, для кого предназначались трупы с западного участка». И тут началось светопреставление: сотни крыс с визгом и воем ринулись на нашу приманку, в несколько секунд покрыв сплошной копошащейся массой кусты и могилы вокруг. По команде Холмса в крыс полетели дымящиеся шашки со слезоточивым газом. Сунув мне противогаз, Холмс бросился за потоком обезумевших от страха крыс. В общем, обнаружили мы их логово – рядом с Ведьминой горой, в древнем заброшенном склепе, переоборудованном в крысиный виварий. Возле бетонированного входа у полуоткрытых стальных дверей лежал начисто обглоданный человеческий скелет. Внутри склеп был перегороден ржавой железной сеткой, прогрызенной в нескольких местах. На каменном полу среди крысиного помета были разбросаны человеческие кости. Судя по несъедобным номерным знакам – это всё, что осталось от похищенных трупов с

западного участка кладбища. Мы открыли дверь пошире, чтобы выветрился слезоточивый газ. Коротая время, Холмс рассказал нам о своих предположениях по делу о кладбищенских крысах. Ещё месяц назад он обратил внимание на то, что вскрыты лишь свежие могилы. Через старосту землекопов он связался с управой и передал приметы похитителя трупов. То, что он был один, Холмс понял по следам. Ну, а приметы – силы недюжинной, один с десятком гробов управился, да и размер ножек сорок восьмой – достаточно, чтобы узнать Пьеро-Нафталина из банды Чёрного Эскимо. Ну, а когда на сержанта напали крысы, всё стало на свои места. Банда использовала крыс, чтобы избавляться от трупов и замечать следы. А когда не хватало свежего мяса, Нафталин скармливал крысам мертвечину. Однако ему не повезло: крысы прогрызли сетку и, когда он открыл дверь, напали на него.

Наконец воздух очистился, и мы, включив прожектор, вошли в склеп. После осмотра я окликнул Холмса. Он как-то странно стоял около стены, зажав в руке книгу «Волшебник Изумрудного города». Книга была с дарственной надписью: «Любимой дочери, малышке-непоседе от Х.Ш.».

Не знаю, было ли это делом Мориарти, или случайностью. О том, что у Холмса есть дочь, не знал никто, кроме меня. Да и посещал он её в пансионе, разумеется, под

чужой фамилией. Тем более что в крысином склепе, как показала экспертиза, находились останки многих детей. Потом я предпринял всё возможное и невозможное, чтобы вылечить Холмса, но ничего не помогло. Скоро уже десять лет, как он здесь, в больнице – каждое утро на одном и том же месте, возле одной и той же стены.

ПУСТЬ БУДЕТ ТАК

1

Стена сиреневых кустов, посаженных мною месяц назад в больничном саду, благоухает словно сейчас не конец июля, а начало весеннего мая. Пусть поцветут ещё месяца два, а то и до зимы – люблю я этот запах. В назначенное время я захожу в кабинет главного и говорю:

– Мессир, мне кажется, можно подсократить количество пациентов в нашей больнице.

– Что, собираешься увольняться?

– Я безнадёжен. И мне здесь неплохо рядом с Вами. Я хотел бы поговорить о Шалтай-Болтае.

– Говори.

- Что необходимо для его выздоровления?
- Ничего. Он безнадежнее тебя.
- И всё же.
- Накачать активизаторами. Но это на полчаса. После – необратимый процесс, прострация и, кстати, Смерть.
- Сложно считать Шалтай-Болтая живым.
- Это его не беспокоит.
- Это беспокоит меня.
- Ладно, беспокойный ты наш, выше нос. Поговорим завтра. Что-нибудь придумаем. Ты не устал?
- Нет, мне нравится здесь.
- А как же цветы?

2

Всё тоже старое кафе в старом городе, из государственного репродуктора тихим фоном звучат мои любимые «Сказки Венского леса»:

«Роза в снегу рассыпается в лёд...»

Я подхожу к столику у окна, где уже сидит Мессир. Он ждёт меня.

- Я слушаю тебя.
- Мне нужна эта жизнь.
- В конце концов, ты прав, сразу к делу. Однако, ты про-

голодался с дороги, сделай мне приятное – поужинай вместе со мной...

Всё это из запасов к новогоднему балу. Всего понемногу, учитывая разнообразные вкусы моих гостей...

Нравится? Рецепт прост и безопасен: вода, лимон и луч луны – Лунный коктейль.

Итак, ты требуешь эту жизнь.

– Прошу.

– Ты просишь вернуть её. А те, которых ты отправил в другой Свет, разве не достойны того же? Или же мундир Смерти стал тебе тесен?..

Но достаточно об этом. Как твоя нога? Ты заметно хромаешь. Держи. Это тебе. Здесь мазь. Мне она помогает, поможет и тебе. А для твоего протеза – Лунный коктейль. Дашь ему выпить в ночь под Рождество, впрочем, можно и днём, и в будни, и в полнолуние, до и после обеда. Всё на пользу... Что ж, пусть будет так.

3

– Именно так – дорога, свободная от бумаг, чужих желаний, реализма, начинается в детстве. Но все мы, кто раньше, кто позже, взявшись за ягодички, бодро сворачиваем обратно: лишь бы бежать по прямой, наикратчайшей прямой. Поэтому нас не хватает даже на сто лет без-

успешных попыток выбора между собой и детьми – глаза Холмса закрылись, он замолчал. Я налил ему в стакан новую порцию лунного лекарства. Очень медленно, растягивая слова, он продолжил:

– И мы опять же выбираем занятие попроще – делаем детей, бормоча о бессмертии и воскрешении в детях. Чепуха. У каждого своё бессмертие. И дети здесь ни при чём. Им хватает собственных игрушек. Впрочем, когда-нибудь человек, идя всё тем же кратчайшим путём, найдет способ физически обессмертить себя. Но, что самое забавное, выдуманная для этой цели наука – математика, доказывает, что люди будут так же бессистемно и легкомысленно умирать как и прежде. Рано или поздно. Сейчас – от болезней, старости, случая – как можно раньше, тогда – как можно позже, и только от случая...

Всемогущий и всеильный случай для каждого свой, терпеливо ожидающий своего часа, даже если у тебя один шанс на миллион лет – не торопись. Жизнь иногда бывает прекрасной. Это я знаю. Будет ли так прекрасно и будет ли это так часто там, после жизни? Я не знаю. И мне страшно. Если человек бессмертен без всяких рецептов, значит он так же, как и Вселенная, существует всегда, и так же бесконечен. И все мы суть, одно целое, и единственная цель истины – совершен-

ствование собственной души. Я не знаю, так ли это. Ведь это как религия. Одни верят и знают, другие – нет.

4

Обыкновенный день. Моросит фиолетовый дождь. Тёплый ветер влажной паутиной оседает на кладбищенских цветах и деревьях. По Монастырской дороге я вышел на пятый участок церковного кладбища. Возле очередной гранитной пирамиды меня встречает Немо.

- Салют, капитан.
- Здравствуй, приятель. Выпьешь?
- С удовольствием, но только не сейчас.
- Это я так, от погоды. Держи стакан, дружок, не ломайся. Ну, а мне, старому гвардейцу, из горла придётся: и проще, и вернее.
- И больше достанется.
- Не ропщи и довольствуйся малым. А? Неплохой девиз для рядового патриота?

По полутёмной аллее, медленно приближаясь к нам, идёт Азazelло, за ним друзья капитана несут на носилках спящего Холмса.

– Что ж, нам пора, – сказал я, возвращая полный стакан рядовому патриоту. – Выпьем после. Хорошо?

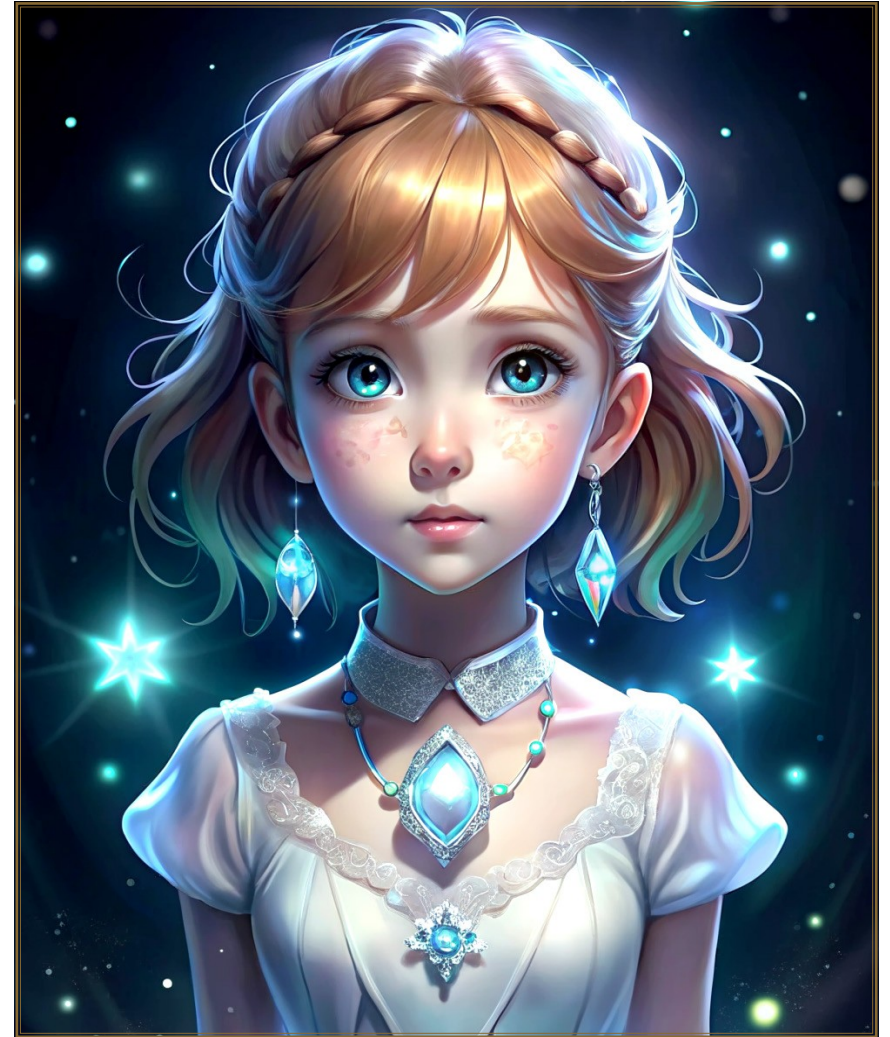
– Убедил, – отвечает Немо и переливает содержимое стакана обратно в свою армейскую флягу.

Выйдя на главную аллею, он включил рацию, в последний раз проверяя готовность всех постов.

Уже неподалеку от крысиного питомника мы с капитаном услышали грохот повторяющихся взрывов. Началась операция... Прошло полчаса. Стало сумрачно, тихо, и только в нашем комфортабельном наблюдательном пункте между двух могил раздавались приглушённые голоса из рации: «Пост третий. В порядке. Поднажмите, ребята, он вас обходит. Пульс – сто десять». Полуоткрытые двери склепа затянуло сизой дымкой. Поднималась и вновь возвращалась назад холодная беспросветная мгла, тихий, пронизывающий стон медленно затухал в чёрном провале. Немо вздрогнул и выругался. «Если на свете и нет официального выхода из преисподней, то уж, наверняка, вход здесь», – добавил он и сплюнул через плечо. Тут же у нас за спиной раздался чей-то недовольный голосок: «Чёртов верблюд». Капитан резко обернулся, но там уже никого не было. Я тоже никого не заметил.

– Хоть бы самим не свихнуться, – проворчал Немо, достал флягу, и, запрокинув голову, вылил в себя весь остаток.

– Ну, всё, пора двигать, – сказал он, вставая с могильной плиты, и двинул в сторону адского выхода или входа. Возле заросших мхом и покрытых плесенью дверей Немо

не так уж уныло махнул мне рукой и исчез в чёрной дыре. Спустя полминуты на кладбищенской лужайке бесшумно появился Холмс, в довольно хорошем состоянии после длительной пробежки. За ним гурьбой ввалились ребята капитана. Тяжело дыша, они в растерянности топтались у Холмса за спиной. Но он не дал им передышки: часть отправил в обход участка по северной и южной стороне (они меня чуть не растоптали, я вовремя их остановил), а сам с остальными нырнул в темноту склепа. В то же мгновение внутренности преисподней залил ослепительный свет, и мы услышали раскатистый гром голоса Немо: «Холмс, дружище!».

Никто так и не заметил (я уверен), откуда взялась эта девчушка в розовом платье и белых туфельках на босу ногу. Она робко дотронулась до стен подземелья, и свет померк, туман испарился, плесень свернулась, дождь впервые за многие годы высох и исчез, напоследок окропив всю нашу команду – плачущего капитана: «Проклятый дождь!», обалдевших ребят и Холмса, держащего на руках свою дочь.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ДЕНЬ

1

Дочь ректора, разумеется, освободили от всех студенческих повинностей, и вместо неё сижу я в диспетчерской университета и роюсь в картотеке студентов по заданию Совета: мужчины – в правый столбик, женщины – в левый. В левом – явный перевес, это о чём-то говорит, о чём я не успеваю сообразить, так как из своего личного кабинета выскакивает зав. учебной частью и всех мочалок командир Гингема Б.Б. Быстренько подкатив к диспетчерам, она сладенько поёт: «А кто, девочки, отнесёт бумажку в министерство? Ну-ка, быстро, ну-ка, живо!» Но девочки – одной сорок пять, другая на днях четвёртый раз развелась, не горят желанием быстро и живо выйти на холод и ветер неотопливаемой улицы. Я гордо выпрямляюсь и, наконец, соображаю, что мужской дефицит мне на пользу. И от этой логичной мысли я повеселел, даже стал щедрым и благородным (ненадолго) и выручил диспетчеров, напросившись на службу. «Девочки» облегчённо вздохнули. «Коровы, – думал я, шагая по заснеженной улице, в движении – жизнь». Худеть я не собирался, но лучше бродить по улице, чем дуреть на лекции о научном оптимизме.

Город пуст и слеп, метель разыгралась вовсю, редкие прохожие исчезают в подъездах и в магазинах. Я иду по центру обледеневшего тротуара, со мной никто не спорит, и вспоминаю такое же приятное настроение, но только летом в проливной дождь, когда весь мир и город принадлежат тебе. Я вспоминаю зелень и лето и чувствую, что от холода у меня хрустят уши и нос. Поэтому я резво вбегаю в тепло букинистического магазина. Ещё в первом семестре я часто после занятий заглядывал в букмаг, кое-что мне удавалось там найти, иногда неплохо обменяться. Однажды... М-да, начало сказочное, традиционное: «В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве есть ещё», – подсказал я сам себе. Так вот, однажды в этом букмаге я забрёл в отдел детской литературы, чтобы купить подарок для сына моих друзей. Возле нижней полки, присев на корточки, сидела девочка лет десяти-двенадцати. Бант, платьице, смазливое личико – всё, как полагается в таком возрасте. Я ей и говорю: «Не поможет ли леди выбрать мне книгу, а то и две, для юноши моложе нас с ней?» Мы порылись на полках и нашли, что требовалось. Разговорились.

Естественно, я с ней держал себя как с равной, тем более что это было нетрудно – она умница. Впрочем, я всегда так веду себя с детьми – это люди, только бесправные и легко ранимые, негодьями они становятся с возрастом, что не

прибавляет им защищённости. Оказалось, малышка многое уже читала, во всяком случае, даже кое-что из того, что я осилил лишь после окончания гимназии. Я спросил её, что же тогда она ищет в детском отделе? На мой вопрос она резонно ответила, что это единственный отдел, в котором хоть что-то стоящее можно найти. Я напрягся и, для поддержания беседы, спросил её, кто из литературных героев ей больше всего нравится?

– Ты, – ответила она, – и Волшебник Изумрудного города.

Я обалдел, засуетился и вмиг стал моложе лет на десять. Она протянула мне выбранные книги и мило улыбнулась. Мы посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись. Я начал первым и поцеловал её в щеку: лаванда и молоко.

– Мне мама говорила, что ты пахнешь дымом, а ты пахнешь молоком, – сказал я, подражая медвежонку из мультфильма.

– Как добры все люди и животные, – ответила она.

Мы договорились с Гердой встретиться на следующий день в магазине. Я приходил туда в одно и то же время две недели подряд. Но она так и не пришла. Позже я нашёл её на кладбище и принёс цветы – уже тогда она была безнадежно больна.

Теперь зима, и в самом отдалённом от дверей детском отделе уютно и тепло. Я сажусь на подоконник и рассматриваю картинки в прошлогодней подшивке журнала

«Юный специалист по оптимизму». Я согрелся, приободрился – есть в этом паршивом городке редкие места, где я чувствую себя чудесно в любом состоянии и с любым настроением. Спустя полчаса я вышел на улицу.

В министерстве я вместе с высокой блондинкой: люблю комфорт, поднялся в лифте на нужный ей этаж. Мы слишком быстро поднялись, но свидание назначить я успел. Входя в кабинет, я скроил постную рожу и с бумажкой в руке подкатил к чинуше в очках. Он позволил мне сесть, и я сел на краешек стула, преданно уставившись ему в переносицу. Чинуша хорошо поставленным голосом отца народа о чём-то меня спрашивает и, не дожидаясь ответа, сам себе отвечает. Наконец, смекнув, что толку от моей услужливости ровно на одну бумажку, он звонит Б.Б.

Я всё ещё жду, когда закончится разговор, мне нужно поскорее отсюда выбраться: в коридоре министерства меня ждёт Стелла, секретарша ректора университета. Как ни странно, у меня с ней сложились дружеские отношения. Она, пожалуй, единственная девушка, с которой я смог только дружить. Стелла, наверное, умна – притворяется глупышкой и, учитывая её должность, знает всё и обо всех. А значит первым в университете (после неё, конечно) информацией разного рода владею и я. Зачем мне это надо? Мне это не надо. Так, на всякий случай. А вдруг когда-нибудь я узнаю что-либо и о себе.

Мы идём по проспекту. Всё-таки, спустя полчаса, я вырвался на волю. Метель кончилась, огромные сугробы преграждают нам путь, натужно гудят снегоуборочные машины, дети бросают друг в друга портфели и снег. Я рассказываю Стелле о своих впечатлениях, она немедленно сообщает, что очкарик – зам. по кадрам: «Нормальный мужик. Я знаю его любовницу. Не дурак выпить». Мы держимся за руки, фонари ещё не зажгли, она советуется со мной:

– В прошлом году крутила любовь с иностранцем. Как думаешь, не придерутся?

– Кто он? Натурал?

– Ну, что ты, нет, конечно. Я даже в номер к нему не поднималась. К моей подруге ездили.

– Ну, я думаю, Службе плевать, с кем ты спишь, лишь бы политикой не занималась.

– За кого ты меня числишь? – возмущается Стелла.

Мы подходим к университету. Я прощаюсь с ней. В университет уже не захожу, делать мне там нечего: свобода дороже, алиби есть, да и скоро свидание с шикарной блондинкой из министерства.

Скоро Новый год. Зимнее утро. Я спешу на первую пару и обязательный гимн, с сожалением оставляя её одну.

Когда я уходил, она всё ещё спала. В отличие от меня – неудачника, моя любовь обладает иммунитетом от учёбы и лекций, работая моделью у знаменитого кутюрье. Диплом ей принесут вместе с новой коллекцией обалденных платьев и хрустальных башмачков. Я глупо улыбаюсь, чувствуя себя счастливым и по уши влюблённым в девушку из журнальной мечты, и очень надеюсь, что это навсегда. Впереди маячат серо-жёлтые корпуса университета. На противоположной стороне улицы реклама Госстраха: «Если ты такой умный, то где твои денежки, дружок?»

ДОЛИНА КУКОЛ

«Там даже Кот сошёл с ума:

Лягушка замуж не пошла.

Не помогли и сапоги:

Ведь все мужчины – дураки»...

Гелла

«– Если ты такой умный, то где твои денежки, дружок?»

– Ты хочешь детей. А чем ты их будешь кормить?
Сказками?

- И среди принцев бывают дураки.
- Дурачок приволок мне в подарок какую-то траву.
- Меня все любят, даже дураки.
- Все мужчины – дураки.
- Он хочет любви. По какой цене?
- Вполне достаточно, если муж меня любит, а я рас-
поряжаюсь деньгами.
- Задница – лучший барометр».

«Долина кукол»

1

– Гелла, ведь это не любовь.
– Верно. Я научу тебя тому, что давным-давно известно.
Вот, например, игра в поддавки. Главная задача – суметь
отдать всё, оставив в конце лишь одну фигуру, которая
побеждает единственным, но самым сильным и реши-
тельным ходом. Суметь отдать всё: любовь, достоинство,
душу, стать тенью и тряпкой, клоуном и дураком. Быть
беззащитным и жалким, доверчивым и глупым, наивным
и слабым. Любить и презирать. Построить воздушный за-
мок для своей любимой, в котором она спокойно и рав-

146

147

нодушно съест предложенное тобой сердце. Никому не нужное сердце, особенно, когда его нет. Особенно, если это сердце дурака... Ты всё ещё думаешь о ней?

2

– Время. Пора.

– Куда пора?

– Ты прекрасно знаешь куда.

Я снова закрываю глаза. Я думаю: «Тебе по-прежнему везёт на стерв, ты по-прежнему доверчив и глуп, надеясь соединить невозможное: ум, красоту и любовь. Когда ложь, подлость и душа амёбы – главный и окончательный итог очередного разочарования».

– Ты же обещал принести мне «уколы» сюда.

– Мне некогда. Врачу, кстати, тоже. Больше он ждать не будет.

– Ну, да, конечно. Теперь ты на «коне». Ведь я завищу от тебя.

– Ты идёшь? Да или нет?

– А ты уже вылечился?

– Я не болел.

– Этого не может быть, у меня ничего и никого не было кроме тебя, кроме дружеского общения с друзьями. Но их у меня так мало. Не ревнуй.

«Господи, дай мне силы не рассмеяться», – думаю я и отвечаю ей:

– Как сказал один человек своему другу: «Не расстраивайся, у тебя в жизни будет пара-тройка друзей, которые тебя не предадут. Их предашь ты». Так мы идём? – спрашиваю я.

– Хорошо, иду. А врач достаточно известный? Ведь, обо мне так много пишут.

3

«Сила воли – это всё, что у меня осталось, и ещё моя беда: я всегда слишком много знаю. Гораздо легче быть обманутой тряпкой, развесистой вешалкой и шутком. В знании – зло, в любви – смерть». Я всё-таки смеюсь: «И много громких фраз».

4

«Кукольный ветер в игрушечном краю. Мне по-прежнему сложно терять людей. Я так и не привык...»

5

«Переносить боль. Мне страшно. Я не могу стать другим, мне страшно стать таким как все, таким, каким хочешь ты».

– Что можно ожидать от человека, который согласен делить меня с остальными?

– Естественно, в сто раз разумнее рвануть на себя тельняшку, устроить истерику и набить морду. Милая, конечно же, трахайся с кем хошь, хоть в доску, родная.

6

«И всё же, может быть, потому что я позволил себе стать дерьмом и начал рыться в твоём грязном белье, я узнал о тебе всё и не простил твоей лжи-полуправды и не устоял перед искушением презирать тебя за глупость, мелкий расчёт и удобное траханье с «домашними» мальчиками; презирать за то, что ты, высчитывая дни, чтобы определить виновника твоей болезни, пыталась, на всякий случай, убедить каждого в его исключительном участии. Вперёд, Франция!..

Я пришёл к тебе и предложил помощь как другу, которого уже нет, как другу, которого я любил».

7

Гелла посмотрела мне в глаза и спросила: «Ты всё ещё думаешь о ней? Никогда не пытайся вернуть то, что умерло. Даже если это была любовь. Она вернётся и убьёт тебя.

152

Но если ты так самонадеян и не боишься потерять себя, пытайся, шанс есть – убить любовь».

8

– В идеале мужчина должен быть безэмоциональным, равнодушным и холодным. Не стоит опускаться до слюнтяйства и веры. Не верь никому, особенно, любимой. Продаст с потрохами.

Будь резок, иногда даже жесток. Женщины это любят. Женское самолюбие не терпит подчинённости. Не страдай, мой мальчик, помни: к двум вещам нельзя стремиться – к любви и к славе.

9

– Проигрыш? Вообще-то, женщины не любят побеждённых, когда они побеждают. Это не значит, что нельзя проигрывать. Проигрывай, но... только тогда, когда ты сам этого захочешь и этого требуют обстоятельства, и вся игра – на выигрыш.

10

– Сила женщины не только физическая слабость, но и слабость ума. Не дай Бог тебе влюбиться без ума.

153

Как тебе моя кофточка? Импортная.

11

– Малыш, не домогайся женщин, пуская сентиментальные слюни. Сколько раз я тебе говорила – будь равнодушен (но не пассивен) к счастью, к успеху, то есть не бойся проигрывать, во-первых; не ускоряй ход событий, проявляй хладнокровие и выдержку, во-вторых. И ещё – женщины, подчёркиваю, а не девочки, устали, ко всему привыкли и так далее, они не верят словам, а только самим себе. Они хотят одного – простоты, им надоела сложность. Поэтому не усложняй и без того сложную жизнь, будь простым и милым, чтобы с тобой отдыхали, а не разбирались в мальчишеских сложностях. Вот как мне с тобой приятно и легко. Как себя вести с женщиной? Уверенно.

12

– Прежде чем выбрать линию поведения, обследуй объект, всё лежит на поверхности: глаза, голос, походка. Как бы ни была отработана форма, подогнана к определённой роли, содержание проявит себя, и проявит в мелочах, в нюансах. В повседневной жизни трудно добиться крупных, решающих событий, в то время как мелочи не контролируются.

156

157

13

– С женщинами не нужно быть честным, обманывай и вешай «лапшу», и никогда не унижайся, даже по мелочам. Никогда, кроме принципиальных вопросов, а женщины не принципиальный вопрос, не говори громко, по-книжному, ту же мысль можно выразить иначе, лаконичнее, сдержаннее, вскользь, используя минимум слов. Какие чудные стихи. Это твои?

14

– Когда под рукой нет удачной импровизации или заранее подготовленной «дежурной» фразы – лучше промолчи, это будет не менее весомо. А как красиво можно молчать.

15

– Метод провокации: создавай ложное слабое место – невнимательность, доверчивость, доброта, благородство, рассеянность, честность, сентиментальность, наивность, любовь.

– Лучший приём, когда женщина показывает коготки – безразличие. Все они эгоистки, а значит, каждая чувствует себя пупом земли: «Как так, я кому-то безразлична!» Малыш, если бы ты знал, как это однозначно и для мужиков.

– Я знаю, Гелла. Тот жлоб, в «коже», всё ещё бродит под окнами.

– Этот жлоб – главный тренер Империи по рукопашному бою, но рядом со мной – слабее ребёнка. Как тебе мои новые туфельки?

– Как можно больше льсти женщине, не бойся грубой лести – знаю, что лести, а всё равно приятно. Иногда лицемерие может быть и тонким оружием, по форме равнозначно правде, а по содержанию – лжи, в большей мере это соотношение зависит от женщины, от её ума и степени самолюбия. Но даже с глупышкой будь таким же, как и с идеальным противником, так как её могут надумать окружающие.

– Когда врёшь, не отводи глаза, не смущайся, не робей,

наоборот, чувствуй себя ещё свободнее и непринуждённое, будь искренним и простым. Пойдём сегодня в кино. Я просто балдею от Бонда, он так похож на тебя.

19

– Всегда оставляй концовку за собой. Это подстёгивает исключительно всех женщин на последующий контакт – чувство неудовлетворённости собой, желание отыграться. Полезно иногда на время исчезнуть, разумеется, имея про запас объективные причины. Но ненадолго. Я вчера так скучала без тебя. Давай завтра слетаем на Ведьмину гору, у эльфов и гномов весенний бал одуванчиков, я млею от их музыки и вина. Помнишь, в прошлом году на мне было подвенечное платье от Диора, серьги от Алекса, браслеты от Тутанхамона. Ах, я их так и не вернула. Пожалуй, уже и не верну.

20

– Никогда не спорь с женщиной, выиграешь – она будет тебя ненавидеть, проиграешь – будет презирать. Уходи от спора, если приходится возражать, делай это мягко и ненастойчиво. Будь терпелив – на твой век женщин хватит.

21

- Что ты видишь за окном?
- Дождь.
- Да нет же, прямо под окном.
- Чертополох.
- Ага, это наш участковый.
- Точно, в полном обмундировании и со свистком в зубах, – смеясь, соглашаюсь я.
- Дурачок, это действительно он, если бы ты знал, как он мне надоел. Пусть поцветёт немного, месяц-другой.

22

– Помни, что самая чистая и целомудренная женщина не простит тебе, если ты не переспшишь с ней. И я, в том числе, ведь, я самая-самая чистая и целомудренная. Знаешь, многие мои ухажёры уверены, что я несовершеннолетняя и ни с кем не трахалась до них. Мне это совсем не сложно. Пускай себе пыжатся.

23

– Если тебе не удаётся влюбить в себя женщину, сделай

166

167

так, чтобы она хотя бы ненавидела тебя. Ненавидит – значит помнит.

24

– Сумей разочаровать женщину, когда она надоест тебе.
Будь милосерден.

25

– Но ведь это не любовь.
– Верно, я учила тебя тому, что к любви не имеет никакого отношения, – говорит Гелла. – Мне жаль терять тебя, как мужчину, даже ненадолго. Ты единственный, сумевший привязать меня к себе больше, чем привязаться сам. Но, в любом случае, я желаю тебе побольше впечатлений и как можно быстрее вернуться ко мне.

И с этими словами Гелла легко встаёт, целует меня в щёку, поправляет белую шапочку и уходит своей знаменитой походкой в кабинет главного. Спустя несколько минут оттуда раздаётся сентиментальная песня Фрэнки «Только ты». Я держу в руках подарок Геллы – бронзовую статуэтку бога Сна и Смерти эпохи Тридевятого Царства. Часы бьют двенадцать, этот день закончился: тринадцатое июня, пятница – день моего рождения.

ДИТЯ ВО ВРЕМЕНИ

В этот день, сорок девять лет назад, мы уходили на фронт – учителя и ученики. Очередной призыв. На вокзале в мишуре и мундирах все были одинаковы, одинаково пострижены и наивны. Поэтому слова «священный долг», «ни шагу назад», «великая эпоха», «смерть, но не плен», «наши герои» привычно воспринимались на веру, как должное и не требующее доказательств. Лица провожающих были горды и значительны; играл оркестр, сверкали знамёна, романтично и мужественно звучало: «...война..., война...» Мы разместились по вагонам и тут же облепили все окна. Рядом со мной – мой ученик. Ему восемнадцать, мне двадцать два. Высунувшись по пояс из окна, он держит за руку плачущую девушку. Девичьи слёзы искренние и лёгкие.

Девичьи слёзы, оплакивающие своё и чужое детство... Трогательное и бездумное время, которое теперь, наверняка, в прошлом, которое никогда не вернётся, разве что в воспоминаниях и в старости. И тогда оно станет совсем иным, подводя черту резкими и безжалостными словами: «Впал в детство». Всему своё время, и всё, что мы можем предпринять в этот краткий миг – ждать, ждать и вспоминать.

Я вспоминаю детство: тепло, ночь, мягкий шелест огня в открытой печи. Тогда я впервые услышал своё сердце – мне казалось, сказочный и страшный великан глухо топает ножищами и ищет меня; но он всё не приходил, и я осторожно повернулся на другой бок и понял, что этот великан живёт во мне. Тогда же я отчётливо и ярко увидел, что мне суждено когда-то умереть, исчезнуть, раствориться и больше никогда не быть, что смерть – страх и одиночество – навсегда. Как будто открылись шлюзы забвения, мрака и ужаса, и я на мгновение стал взрослым и мертвецом одновременно.

Наутро я уже ничего не помнил – ни слёз, ни внезапного покоя и сна, словно чья-то мудрая рука оградил меня от хаоса и ночных кошмаров, подарив мне детскую сказку о бессмертии и вечном бытии.

Провоевал я четыре года – тысяча четыреста три дня. Война каждой ночью, каждым днём напоминала мне минуты ужаса и отчаяния из далёкого детства, только чаще и осязаемей, грубее и проще, ничего не давая взамен, только кровь, трупы, железо, боль, грязь и смерть.

После войны вернулись лишь четверо: трое учеников и я. Из восьмидесяти пяти...

МОНАСТЫРСКАЯ ДОРОГА

1

– ...одиноко идущих по жёлтой кирпичной дороге к Луне. И это единственная дорога к настоящей свободе. Вы любите слово «свобода». Так напишите его всюду, даже вместо слов «вход» и «выход». Вы говорите: «Свобода», – и думаете о счастливой жизни только для себя. Остальных: и господ, и униженных, если они думают иначе – к стенке. Ну, а чтобы ваша идея побыстрее стала реальностью – восстание, кровью смоём унижение. С каждым днём гражданской войны ваша мечта превращается в месть, для которой законы вендетты становятся основой справедливости. Только трупам уже ничего не нужно, у них своя свобода. Впрочем, быть может, именно этого вы и добиваетесь? Представьте: только вы и ваши друзья. Тогда зачем убивать? Плывите на необитаемый остров. Ах да, есть ещё и униженные, которых нужно превратить в трупы и в единомышленников.

Красноречие и решительность профессора мгновенно иссякли, когда из-за поворота монастырской дороги показался вечно пьяный участковый сержант, в зоне которого находилась наша больница.

– Я побегу, нужно кошек спрятать, – сказал Микки Маус и исчез в столовке общепита.

2

– А я так и сделаю: сяду в джонку и уплыву на необитаемый остров, где, став патриархом, организую новую цивилизацию.

– Чего же не хватает? Воли? Смелости? Таланта?

– Всё есть, и я готов отплыть.

– Только не становись патриархом и не организовывай новой цивилизации. Иначе когда-нибудь обязательно появится желание у твоих подданных уплыть на необитаемый остров.

– Ну, и чёрт с ними.

– Тоже довод. Примерно так же рассуждают и наши патриархи.

– К сожалению, они не отпускают меня по доброй воле. Оказывается, я им позарез нужен.

– Просто они не слышат тебя.

– Я не сумасшедший давать им повод, пускай себе практикуются на других.

– Я слышал, что эти сумасшедшие думают иначе. Они считают, что своему народу они нужнее, даже если этот народ и предаёт их.

– Нет, я эгоист, и мне не по нутру их всеобщее коллективное счастье. Всегда найдутся обделённые. Я уж сам как-нибудь вырву себе счастливый кусок.

– Ну-ну, вперёд, новый патриарх. Начало многообещающее.

– Не смейся, если, не дай Бог, меня вынесет наверх, я сделаю всё возможное, чтобы каждый получил свою долю.

– Эти бутерброды нарезать будешь не только ты.

– Посмотрим. Может быть, ты и прав. Подлей-ка мне ещё чаю.

– Это древний букет, мне его передала бабушка по наследству вместе с пластиковыми шахматами и свадебной булавкой на счастье. Хочешь, подарю?

– Хитрец, дарит готовенькое счастье. И драться не надо. Давай, а вдруг я не полезу наверх, а пойду в монастырь.

– И это будет самая правильная дорога.

Я встал, перешёл в другую комнату и выбрал мощный экземпляр, покрытый чётко выраженным слоем ржавчины.

– Десятый век. До нашей эры. Иван Царевич носил её, не снимая, охраняет от железа и заклинаний, в полнолуние насылает вещие сны. Передача другим лицам воспрещается во избежание недоразумений, и с этими словами я всадил булавку за ворот рубашки Дональда Дака. Он просиял, смахнул воображаемую слезу и с чувством пожал мне руку.

– Какое бескорыстие, какое бескорыстие! Век буду помнить, если проживу.

– Теперь проживёшь, – сказал я, всерьёз рассчитывая на это.

3

– И всё-таки, быть может, для них это лучший вариант? Остаться, не уходить без борьбы и, добившись успеха, помогать слабым и добрым? – спросил я у Мессира.

– Дайте мне власть и я наделю всех хлебами, – с этой мысли, пожалуй, начинают все большие и малые инквизиторы. Но дорога к власти усеяна трупами, а не цветами. Сумевший предать, подсидеть, словчить, схитрить, убить ближнего своего, сумеет ли справедливо и честно хлеб разделить своими руками? Чужими руками и головами он к тому времени научится пренебрегать. Тем паче, если это руки и головы простого народа, не сумевшего даже захотеть из грязи вылезть наверх. Но есть лучший вариант. Стал я великим инквизитором, утёрся от пота и чужой крови осторожно и незаметно. Историю, ведь, я сам пишу, и стал творить добро. Ненадолго. Во-первых, сподвижники мои не потерпят равного распределения хлеба насущного, во-вторых, народ мой возропщет: «Раньше ели хоть вдосталь, а теперь все нищие». И, оказывается,

справедливость никому не нужна, даже слабым, которые с моей помощью, став сильными, никогда мне этого не простят: я ведь с ними не хлебом – кровью поделюсь. Ну а, записавшись в палачи, нужно сечь головы, оставаться в стороне не позволят. И как бы ни успокаивал себя в начале палач благородностью цели и никчемностью казнённых, в конце концов, духовный мир его сравнивается с миром последнего из преступников. Преступник, казнённый преступником. И если бы они только занимались друг другом...

Учитывая дорогу, ты вернёшься через неделю после отъезда. Будем ждать тебя. Кстати, тебе понравился новый хит «Тень твоей улыбки»?

ТЕНЬ ТВОЕЙ УЛЫБКИ

1

После оформления всех бумаг Совет университета, наконец-то, отправил меня в Изумрудный город на студенческую конференцию по проблемам кризиса антиоптимизма. В день отправления выяснилось, что тема моего

доклада слегка не совпадает с ожидаемой. И за два дня и две ночи пути мне удалось, в общем, сварганить удобоваримый доклад на требуемую тему. Так что в город я прибыл в достаточно измождённом виде, который неплохо сочетался с костюмом похоронного покроя и чёрными очками, скрывающими мои юные годы. Доклад я прочёл, и даже умудрился ответить на все вопросы, краем глаза отмечая прелестных участниц конференции. Когда я, в общем-то, довольный собой, возвращался в пансион Доброй Бастинды, куда меня засунула студенческая община, сзади послышались чьи-то торопливые шаги. Тогда я считал себя парнем не из робкого десятка, однако, на узкой грязной улочке чужого города почувствовал себя неуютно. И, изменив своему правилу, резко обернулся. Навстречу мне с огненной горы в неоновых сполохах ночной рекламы спускалась принцесса, нет – королева, в голубом брючном костюме. Мысленно я упал ниц: нежный цвет прекрасного лица, походка богини и рост соответствующий. Девушка, по-видимому, случайно остановилась возле меня и спросила:

– Вы наш гость? Кажется, это Вы только что выступали на конференции?

Спорить было бесполезно, даже если бы я мог ещё в то время спорить.

– Точно. Я был там.

– Мне понравился Ваш доклад.
– Вы мне тоже нравитесь, – забыв всякую осторожность, признался я.

Девушка внимательно посмотрела на меня и, улыбнувшись, сказала:

– Что ж, зато честно.
– Меня предупреждали, что я чересчур прямолинеен. Вот и сейчас не могу совладать с собой и говорю то, что думаю, – закинул крючок я.

Она ещё раз улыбнулась (зубы у неё – класс) и протянула мне руку:

– Рада познакомиться, Людмила Дэ, можно просто – Мила.

И пока я соображал, что делать с её рукой – то ли целовать на манер графьёв, то ли потрясти и бросить, она выдала:

– Вы всегда так неумело кокетничаете?

Тут уж я не выбирал, нагнулся, как положено, дотронулся кончиком носа до бархатной ручки – запах столичных духов (аристократия!) – и всё это время смекал: хитрая bestия, хитрей меня. Теперь она мне по-настоящему понравилась, аж сердцем прикипел. Разогнувшись и ханжески вздохнув, я сказал:

– Вы единственная, с кем я так откровенен.

Она рассмеялась и взяла меня под руку.

Таких девушек теперь не сыскать. Нужно её держаться. Город незнакомый, глухой, и если уж сливки здесь такие, то представляю, каково тут дно. И я, гордо вскинув голову, предложил:

– А не рвануть ли нам, Ваша милость, в ближайший кабац?

– Не стоит, – сказала она, приноравливаясь к моим шагам, – денег у студентов мало, а мне платить неудобно, даже на паях. Лучше поболтаем и побродим по городу.

– Вы мне действительно нравитесь, я не шучу. Это серьёзно. И если я приглашаю, то за свой счёт.

– Мы гуляем, верно? На свежем воздухе?

Я согласно кивнул головой, довольный, что не придётся раскошелиться на кексы и шипучку. Перспектива прошвырнуться по старому городу с красивой девушкой на зависть всем меня устраивала. Купив в киоске плитку шоколада, я галантно угостил свою возлюбленную. Эгоистическое начало брало верх, я уже называл эту тёмную лошадку своей: как бы не промахнуться. Главное, чтоб она поскорее привыкла к моему эгоизму, а уж я с собой управлюсь. Мы чинно шагали рядом – она прильнула к моей левой руке, прямо лубочная картинка с голубками – и болтали о милых пустячках: о политике, деньгах, счастье, дружбе и любви. В общем, сверяли свои взгляды на жизнь. Прохожие умилённо провожали нас

взглядом – этикие производители. Мы перебрасывались словами, лёгкими, как мыльные пузыри, ничего не значащими, но как-то сближавшими нас. Любовь омолаживает, и мы, совсем став детьми, взяли за руки, спели весенний гимн о зелёных кузнечиках, зловредных жабах, а значит о предусмотрительности, необходимой всем нам. Незаметно забралась в такой тупик, из которого мне одному уже было не выбраться. Из разноцветных витрин магазинов на тротуар ложились смешанные тени фруктов, овощей и гастрономии. В тёмных и огромных подворотнях шевелились свои подозрительные и зловещие тени. На всякий случай, я храбро смекал, в какую сторону бежать, чуть что. Но понял, что без милой мне отсюда не выбраться, и от отчаяния обнял её за плечи. Она остановилась, кротко посмотрела на меня, и как-то само собой получилось, что мы уже нежно целовались под защитой её золотистого зонтика... Через полчаса выбрались на широкую, освещённую рекламными прожекторами улицу, в гам и суету ночного города. Напоследок я обернулся: в звездной дымке старых кварталов осталось гораздо большее, чем пустые разговоры о счастье. И я понял, что, скорее всего, мне там больше не бывать, а если и приведётся, то я ничего не узнаю и не повторю. И всё же, покрепче прижав к себе подружку, я уверовал, что ещё ничего не достиг и что впереди меня ждёт

ворох всяких воспоминаний. Минуя один перекрёсток за другим, мы, наконец, вышли на площадь Андерсена, окружённую кольцом сияющих фонарей. Возле пушистого каштана прикорнул похожий на эсминец чёрный «Даймлер». Мила уверенно открыла дверцу и села за руль. Я струхнул и, на всякий случай, огляделся: а вдруг, откуда ни возьмись, выскочит хозяин? Машина уже дёргалась и пела, грозя укатить без меня. По инерции, готовый на всё, я залез в хромированное брюхо и сел рядом с ней. Будь что будет, может и обойдётся. Всё ещё плохо соображая, я недоверчиво присматривался сам к себе. Мог ли увлечь эту родовитую красавицу случайный студент без роду, без племени, без папиного благословения? Мог. Ненадолго. Хотел бы я знать, что меня ждёт впереди?

Машина, прижимаясь к шоссе, мчалась вдоль Жёлтой реки вон из города. Дома наступали и разбегались в разные стороны, с каменным хохотом провожая мою доверчивую душу. В неверном, меняющемся свете, в ореоле растрёпанных волос Мила казалась ещё прекрасней и недоступней, словно ведьма с кладбищенской горы. В темноте её глаза вспыхивали и гасли то ли своим, то ли отражённым светом. На заднем сиденье кто-то шипел и ворочался, готовя удавку покрепче. Я держал марку и не оборачивался, просветлённо улыбаясь и ни слова не говоря. Мила включила музыку – «Тень твоей улыб-

ки». Я всё ещё был жив, и чтобы успокоиться, выбрал блестящую точку на панели перед собой. Вглядевшись в фосфоресцирующий готический шрифт, я прочёл: «Людмила Дэ. Инвентарный номер 012». Я расслабился и размяк. Жаль, но она не врала, и впрямь аристократка, голубая кровь. Развалившись и вытянув ноги, я облегчённо рассмеялся и получил по голове свалившейся невесть откуда тяжёлой книжкой, к счастью, в мягком переплёте. Тут же кто-то схватил меня за плечо. В ужасе я обернулся – меня обдало холодом зелёных немигающих глаз. Чёрный безухий кот что-то недовольно пробурчал, выгнул спину и растянулся на заднем сиденье. Я всё ещё замороженно смотрел на него, когда Мила, улыбаясь, погладила меня по щеке.

– Не отвлекайся, – как ни в чём не бывало сказал я, лёг, положил голову ей на колени и закрыл глаза, чтобы уже ничего не видеть и не понимать. Под мерный, приглушённый шум мотора я вспомнил, что почти месяц не спал и решил вздремнуть, посмотреть прекрасные сны без реализма и чертовщины.

Утро разбудило меня случайным солнечным лучом, осветившим на короткое время наше пристанище на колё-

186

187

сах. Частый мелкий дождь привычно барабанил по крыше, стекал ленивыми струйками по стеклу в надежде когда-нибудь растворить нас и машину. Я лежал, не двигаясь, по уши укутанный в тёплый оранжевый плед, ощущая затылком лёгкое дыхание Милы, и ногами – горячий увесистый комок мяукающей плоти. Я осторожно приподнялся на локте и приложил палец к губам:

– Тихо, котик, перестань.

– Убери ноги, на улицу хочу, – хмуро ответил котик, естественно открывая и закрывая пасть.

От неожиданности я ошалел, но ноги быстро убрал. Чёрный, мрачный котяра с золотой цепью на шее, лапой нажал на дверную ручку, распахнул дверцу, нехотя выполз наружу, зевнул и, лениво потягиваясь, захлопнул дверцу за собой. Мила вздрогнула, затрепетали нежные ресницы, лёгкая тень улыбки тронула девичьи губы, но она не проснулась, оставляя меня один на один со страшным котом. Я вышел из тепла и комфорта машины на утренний холодок лесной лужайки и босиком прошёл по влажной, холодной траве, собирая букет скромных лесных цветов для своей милой. Тёплый ветер прогнал дождь, рассеялся по кустам и деревьям, высушивая и согревая каждую веточку, каждый листик, меня и лохматое, говорящее чудовище, распластавшееся на крыше «Даймлера». Увлёкшись, я неожиданно набрёл на бетонированную дорожку,

ведущую в глубь сумрачной чащи. Пробормотав на всякий случай помогавшие мне в детстве заклинания, скрестив два пальца и плюнув через левое плечо, я двинул по растрескавшемуся бетону, но тут же, вспомнив, решил, что после того, что со мной произошло, вряд ли это поможет. Впрочем, суеверия и предрассудки человеку с умом не мешают, а только вырабатывают осторожность. Еловые ветки, пытаясь меня остановить, заставляли сбиваться и лавировать, цветущий папоротник одурманивал и звал в свои объятия, таинственные огоньки мигали в лесной темноте, приглашая меня свернуть с проторённого пути. Я не сдавался. И вот между деревьями появился просвет, путешествие закончилось, и я тихо, мирно вышел на знакомую лужайку, но уже с другой стороны.

Зажав в руке букетик, словно путеводную звезду, я сориентировался в пространстве и на цыпочках подкрался к причёсывающейся Миле, по-утреннему юной и прекрасной – голубой мотылёк на фоне просыпающегося леса.

– С добрым утром, – сказал я и протянул через её худенькое плечико свои цветы.

Она вздохнула: «Ах», – робко и нежно, ласково и с упрёком, – ну, зачем я её балую, прижалась ко мне, улыбаясь так невинно и доверчиво, что я тут же почувствовал себя готовым на всё, даже на поцелуй. Порыв ветра поднял и

распушил волосы у Милы, накрывая меня серебристо-зелёной паутиной. Мир исчез, растворившись в волшебном потоке, распался, соединяясь в зрачках приближающихся глаз, превращаясь в сказку иллюзий и любви. «Любимый...» Мерцание тёплой кожи, шёпот в зашторенном полумраке машины: «Любимый...» Дождь в вечернем забытьё...

– Любимый...

3

– Когда я был ребёнком, совсем маленьким, вот таким, мне нравилось нагишом прыгать и скакать под тёплым проливным дождём. Я делал так часто и называл это танцами. Соседи называли это безнравственным воспитанием и подали на мать в суд после того, как я станцевал под дождём с их дочерью. Но номер не вышел – танцевал, ведь, я, а не совершеннолетняя мать. Но она обещала станцевать, если эти поганцы не оставят меня в покое. Вскоре соседи переехали, увозя от тлетворного влияния безотцовщины свою дочь. Я не особо горевал, продолжая в одиночестве танцевать и веселиться, но только ночами, когда никто не мог меня видеть и помешать. Ночью всё казалось сказочным и приятным: лиловые огни деревянных фонарей, жёлтые лужи в цветных пузырях, огром-

ные тени в вишнёвом саду и я – счастливый нарушитель устоев, в рыжем тумане, высокой траве в чём мать родила. Ну, в самом деле, зачем под мокрым дождём плясать в сухой одежде? Этого я не понимал, но соображал, что быть не таким, как все, – опасно. Так что, я был слишком странным и непохожим на остальных. Вот и сейчас, вместо того, чтобы сказать «Люблю тебя», я болтаю о всякой чепухе.

– Я люблю твою странность. Мне никогда не дарили цветы – это необычно, никто не догадался носить меня на руках – это не принято.

– И никто к тебе не лез в постель – это неразумно.

– Ещё как лезли, но это были порядочные люди, а не как некоторые хитрые хвастунишки, танцующие под дождём.

– Я – порядочный, и зову тебя...

– Стоп. Куда мне, бедняжке, теперь деваться, я согласна: неси меня под дождь.

Поздно ночью Мила высадила меня на перекрёстке бульвара Толкина и улицы Волкова. Мне не хотелось с ней расставаться, но долгих прощаний я не люблю, наверное, потому что не умею и боюсь терять близких мне людей. Лёгкий поцелуй, визитная карточка с адресом, где я завтра встречу с любимой, мечты и надежды. «Весенний обман», – думал я, шагая по пустынным окраинам города.

ДЕВУШКА

Нет ничего прекраснее обмана. Даже когда уверен и, наверняка, знаешь, что тебя обманывают. Всегда, в любой ситуации остаётся шанс, оправдывающий предыдущие поступки и собственный характер, неоценённый никем, кроме любимой. И эта ложь звучит, как единственная правда о точности выбора. Выбора, который всегда остаётся окончательной прерогативой девушки – это её первый поцелуй и её первая любовь.

Женщина, прежде всего, верит не фактам, а собственным ощущениям и эмоциям. Голос рассудка – последнее оружие в отношениях с мужчиной, и именно тогда, когда мужчина свернул с привычной, непогрешимой стези логики и разума в мир чувств и свободы; в мир, где женщина побеждает всегда, хотя бы потому, что не забывает вовремя уйти. Может быть, поэтому среди душевнобольных гораздо больше мужчин, чем женщин, для которых рождение ребёнка – гарантированный выход в покой и оправдание. Ну, а до этой главной цели – она девушка, потому что каждая любовь – первая. И когда она говорит или думает о любви, она искренне верит в неё, как верит в любые комплименты и обещания. Даже если это сказки и обман.

СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА

Из гостиной мы переходим в библиотеку, где звучит песня «Без тебя» группы «Сердце Дурака». Кот Бегемот убавил звук, сел в кресло и продолжил свой рассказ:

– С незапамятных времён они, словно дети, прятались в заброшенных садах, на опушках тёмных мшистых лесов, в замках древней страны – острова, где постоянные дожди и туманы сумели спрятать даже такого великана, как наши городские часы, не говоря уже о малышах гномах и эльфах. Они так хорошо прятались, что вот уже в течение двух веков в них никто не верит, кроме детей, и то, наверное, не всех. Поэтому-то эльфы и гномы теперь не рассчитывают на дождь и туманы, ведь их и так не замечают. «Не видишь то, во что не веришь», – говорят они, когда прячутся, чтобы наблюдать за людьми. Подбрось, пожалуйста, дров в камин. Люблю тепло, особенно зимой. Когда я смотрю на огонь, я вспоминаю новые сказки. Иногда мне удастся кое-что и самому сочинить. Людмила любит меня слушать. Она очень просила рассказать тебе что-нибудь до её прихода. Ты тоже умеешь слушать.

– Сложно не обращать внимания на говорящего Кота, тем более, когда он рассказывает такие чудесные исто-

рии, – говорю я, встаю и бросаю в камин полено. Искры улетают вверх, гаснут, превращаясь в зелёное пламя и тепло.

– Ты мне льстишь, все коты страшные болтуны, кроме меня, конечно.

Кот Бегемот жмурится, берёт в лапу бокал и выливает его содержимое в огонь. Вспыхнул свет, исчезла темнота, тёплый ветер улетел в бесконечную даль комнаты. И тут же пространство сжалось, распушило хвост, превратилось в чёрного, хитрого Кота, сидящего напротив меня в кресле. Огонь в камине по-прежнему мирно гудел. Ночь по-прежнему спала в старом замке в центре Венского леса. Кот протянул мне второй бокал.

– Чистейший спирт. Люблю иллюминацию. Ил-лю-мина-ци-я. Вкусно. Попробуй. Правда, бенгальские свечи тоже неплохо, даже очень неплохо. Я иногда думаю, что, возможно, бенгальским огням придётся сыграть немаловажную роль в конце новогодней сказки. Я тебе не рассказывал об этом? Ах да, пардон! Я ведь ещё не дорассказал тебе сказку об эльфах и гномах, живущих в нашем лесу. Впрочем, молчу, сначала спирт.

Я улыбнулся, взял бокал. Спирт мерцал, лёгкие звёзды вспыхивали и гасли в нём, падали и поднимались вновь. Я не спешил, мне не хотелось расставаться с драгоценным камнем в руке, живым и холодным.

– Хороший напиток сначала нужно согреть в ладонях, – говорю я.

Кот Бегемот многозначительно посмотрел на меня. Я вздохнул: «Ваше здоровье», – и выплеснул спирт в камин. На короткий миг серебряная жидкость радугой повисла над огнем и тут же вспыхнула беззвучным салютом. Многоцветные звёзды взрывались высоко вверху, летели в разные стороны, падали вниз, мимо нас, исчезая в бездонной пропасти под ногами. Белая звезда упала мне на колени, я взял её. В руке я держал хрупкий цветок, влажные лепестки отражали огни фейерверка. Я забыл обо всём, даже о своём умении ничему не удивляться. Салют погас, всё исчезло, кроме цветка, я с благодарностью посмотрел на Кота. Он самодовольно улыбался, держа в лапе точно такую же звезду:

– Это удивительный цветок. В сказке, которую я придумал, он удивляет всех, даже меня. Я расскажу тебе о нём, о сказочной стране Волшебника, о Садовнике, путешествиях, розах и о любви. А о Солнечном Короле тебе расскажут эльфы, раз ты им понравился. В конце концов, могу я сказать: «Мяу!»?

К камину подлетела яркая ночная бабочка и села на ручку кресла рядом с Котом. Сказка, рассказанная им, стала реальностью: бабочка превратилась в прекрасную девушку-эльфа. Она улыбнулась, кивнула головой, её огромные глаза на мгновение закрылись, пушистые ресницы коснулись нежных щёк.

СОЛНЕЧНЫЙ КОРОЛЬ

1

Кот Бегемот снял с полки книгу, раскрыл и передал её Королеве эльфов. В полумраке зимнего вечера текст книги мерцал изумрудным светом.

– Эта легенда стала образцом поэтического творчества эльфов, изустным преданием, переходящим из столетия в столетие почти без изменений. Ещё и теперь, преклоняясь перед гением Счетовода, все пользователи опираются на его метод при подсчёте вероятности прохождения Главного случая (так называемый «звёздный час») через кривую заданного разума. Этот метод был представлен Счетоводом в его работе «Методологические основы Деревянной легенды при подсчёте Берёз как символа счастья, популярности и прочее, прочее...» Однако последователи эмоциональной школы, возглавляемой Солнечным Королем, утверждают, что Сказание имеет только духовную ценность, отрицая какой-либо математический подход к нему.

По-видимому, истоки этой легенды нужно искать в те давние времена, когда род человеческий ещё не был разделён на людей, гномов и эльфов. Во всяком случае,

профессиональная подготовка одного из героев предания полностью исключает эльфов: со времени появления нашего народа мы никогда не уничтожали деревья, используя в повседневной жизни материалы, полученные из листьев и цветков одуванчика. Кстати, пора сбора цветков одуванчика предшествует многочисленным свадьбам нашей молодежи. Поэтому в это время можно наблюдать, как вечерами стайки юных особ, мечтающих о любви, слетаются на луга, чтобы посоветоваться с одуванчиком и узнать свою судьбу – знаменитое «Любит, не любит». Таким образом, это странное предание повлияло на жизнь эльфов, привнося в неё романтизм и волшебство прошлого.

Стержень всей шестичасовой Деревянной легенды (средняя скорость среднего сказителя), состоящей из двенадцати частей, в следующем: девушке нравятся двое симпатичных парней, один из них – столяр, другой – кузнец. Она сомневается, не знает, кого из них выбрать (проблема выбора – теория вероятности, разработанная Счетоводом). И вот, решившись, она идёт к любимой Берёзе и поверяет ей свои печальные и в то же время радостные мысли (единство духа и всего сущего). Я лично считаю, что Берёза посоветует ей выйти замуж за кузнеца, а не за столяра, который, учитывая его профессиональные черты характера, рано или поздно срубит Берёзу. К сожалению,

концовка легенды так и не даёт ответа, вполне возможно, преследуя в образе советчицы Берёзы мысль следующего порядка: «Думай сам». Местные жители за листья одуванчика ещё показывают всем любопытным какую-то Берёзу в лесу медоносов.

2

– У меня семь пальцев. Поэтому меня так зовут – «Семипальный». На ногах и на руках. Это сколько будет? Больше на два пальца – это у меня с рождения. Мне уже пять лет. Я дружу с эльфами, они очень трудолюбивы, почти так же, как и наш народ – гномы. Особенно я дружу с Королевой этого месяца, то есть помогаю ей, когда она попросит. Я читаю ей стихи, выбираю музыку, готовлю краски и холст. И задаю ей много вопросов, на которые она всегда отвечает. Я ещё не выбрал, кем быть. Много мне нравится: и художником, и музыкантом, и поэтом, и фотографом, очень модератором нравится. Слушать люблю. Разговоры у людей забавные, но чаще – кто кого любит или ненавидит, им это нужно знать, чтобы легче обманывать друг друга и любить только самих себя. В январе меня посвящают в короли. Мы давно уже никому не служим, но древние правила выполняем. Только полезные сейчас. Когда я стану королём, наступит моя очередь целый месяц

управлять всем и ничего не делать. Конечно, это нужно, но никто управлять не любит – слишком много времени уходит на безделье. Мы живём всё время, и сделать нужно многое. Сначала я буду учиться у Солнечного Короля. Его так называли, потому что он хотел увидеть солнце, а многие считали это невозможным. Он даже надувал шары тёплым воздухом, но за вечные облака улететь не смог. Потом, когда появились цветы, Солнечный Король стал за ними наблюдать и ухаживать. И цветы помогли ему увидеть солнце. Все гномы и эльфы считают, что он занимается очень нужным делом, и хвалят его, и в его школу очень трудно попасть. Он говорит: «Цветы – звёзды», а когда люди пытались их сжечь, он повсюду прятал их. А потом смотрел, как они растут, и путешествовал с ними далеко-далеко: в другое время и в другие миры.

3

– Солнечный Король, а зачем прилетели цветы?

– Ты видел когда-нибудь, как растёт подсолнух? Это самый большой цветок, за которым я наблюдаю. Я всегда хлопаю в ладоши рано утром, когда цветы спят и мечтают во сне. Я делаю это тихо, не приближая ладони друг к другу; я думаю об этом, но всё равно подсолнухи просыпаются первыми и смотрят на меня, и поднимаются вы-

соко-высоко, выше всех домов и деревьев. Я улетаю дальше, к роще, а потом снова к началу поля, и внизу под мной тысячи золотых глаз, сто сорок дней подряд, пока не наступит осень и время цветущих роз. Это последние дни, год рассыпается и уходит со снегом в сон. Всё спит и надеется раскрыться и ожить в звуках и красках бесчисленных новых цветов, названия которым нужно ещё придумать. Я знаю, что давным-давно они улетели от нас и превратились в траву и колючки. А сейчас вновь вернулись и стали ещё лучше и прекраснее, потому что мы их вспомнили и полюбили. Бессмертные цветы, раскрывающие пространство и время в букете огромных созвездий, в калейдоскопе фантазий и света, реальности и тьмы. Они, как надежда и вера, как вечный праздник любви, как бесконечный полёт в зимнему лесу поэзии и волшебных сказок:

«Роза в снегу рассыпается в лёд...
Карий огонь – зазеркалья полёт,
Дыханье, улыбка и нежный вздох...
Мне час испытаний назначил Бог.

Надежда и Вера.
Тяжёлый путь...
Похожее сердце стучится в грудь.

Здравствуй, родная.
Мне звёздная ночь
Решила раскрыться, узнать и помочь,
Сгореть и воскреснуть,
Найти и понять...
Мне нежная ночь расстилает кровать...

Дворцы ледяные, слова и венец,
Снежные крылья над светом сердец
Падают, тают, уходят в песок...
Утром весенним целует восток
Карий огонь – зазеркалья полёт.
Роза в снегу рассыпается в лёд».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

1

«Роза в снегу рассыпается в лёд», – запел мой будильник. Я быстро привёл себя в порядок и полетел на своей «пятёрке» в аэропорт встречать любимую. Прошёл почти месяц с тех пор, как я вернулся со студенческой конференции, где мы познакомились с Милой. И вот я уже стою

в толпе встречающих, в руках цветы всё из того же неиссякаемого монастырского источника, на лице счастливая улыбка. На меня странно смотрят: что же я собираюсь делать с этой зеленью? Но мне всё равно, лишь бы милая меня не подвела и действительно прилетела обещанным самолётом. И уж тогда вы не на мои цветы глазеть будете: такой красавицы здесь не сыскать. Я волнуюсь, вытираю ладони; наконец-то, подогнали трап. Один, другой, третий – серые камешки, фон для моей (моей, чёрт возьми!) любимой. Мила всё в том же голубом брючном костюме, всё так же прекрасна и недосягаема для всяких задрипанных студентов. Я робею, вытягиваю руку с цветами, прячусь за ними и нерешительно делаю шаг вперед.

– Здравствуй, мой хороший, – говорит она.

2

– Всё боится времени, а время боится пирамид. Все мы боимся женщин. Чего же боятся они?

– Ах ты, глупыш.

– Жизнь достаточно коротка. Поэтому я пытаюсь натворить как можно больше глупостей. Мало того, что они приятны, о них, оказывается, и приятно вспоминать. Так что называй меня как угодно. Если хочешь, то и милым.

– Милый, мне нравятся твои глупости.

– Кстати, к двадцати пяти годам ведущие киноактёры вставляют вместо своих фарфоровые зубы в том порядке, в котором природа бессильна – в идеальном. Поэтому им есть смысл так часто улыбаться.

Я внимательно посмотрел на Милу. Она ещё раз широко улыбнулась и сказала:

– Представляю, как у них клацают зубы.

– Ты – прелесть, – смеясь, сказал я. – Пожалуй, я к тебе начинаю привыкать.

– А я уже привыкла.

Я делаю вид прилежного и внимательного ученика, впрочем, как большинство студентов нашего потока. Я мечтаю (что, кстати, делаю всегда). Я тщательно вношу все анатомические подробности моей любимой в общую тетрадь по Земледельческому праву. Надеюсь, что вчера заменит сегодня, а сегодня – завтра. Я вновь иду босиком по тёплому бетону навстречу своей надежде. В руках – цветы. Поляна и редкое ощущение, что никто в целом мире не помешает и не сможет вмешаться. Я открываю глаза, рядом со мной стоит Железный Дрово-

сек. Весь курс притих, я тоже: ведь я здорово рисую, особенно, под свежим впечатлением недавних событий. А вдруг понравится? Шишки с маслом. Гордо поникнув головой, я иду прочь из зала без тетради и без настроения. На широком подоконнике, где я устроился с ногами, всё возвращается на свои места. В оставленной кем-то газете я нахожу единственную интересующую меня рубрику – «Сегодня в кинотеатрах». Здорово! «Звуки музыки». Я так много слышал об этом фильме от своей мамы. Она часто рассказывала мне вместо сказок содержание виденных фильмов. Странно, но мне кажется, что фильмы предыдущих поколений были более значимы и интересны. Мама мне говорила, что на фильм шли, как на праздник, тогда фильм был эпохой и верой в лучшее. Пили, что ли, меньше или билеты были дешевле? Я вспоминаю названия «слышанных» мною фильмов: «Генералы песчаных карьеров», «Великолепная семёрка», «Золото Маккены», «Бумажная луна», «Касабланка», «Список Ланья»... Если бы мне довелось когда-нибудь сочинять мемуары от скуки и безденежья, я обязательно написал бы их в виде сценария: за фильм больше платят. И эпиграфом к нему я поставил бы золотым монументом вечной мудрости и оптимизма слова Красной Шапочки: «Неприятностей на свете не бывает никогда». Они бывают только у меня, так как я себя причисляю к пессимистам

земледельческого толка, и, пожалуй, в этой партии я один без последователей и продолжателей дела борьбы за свободу рисования. Но вот, наконец, лекция закончилась. Из дверей актового зала важно вывалился Железный Дровосек и подошёл ко мне: «Что же Вы, молодой человек, не сказали о столь значительном событии в вашей жизни – свадьбе, состоявшейся вчера? А? М-да, держите свою тетрадь. Поздравляю. Но не забывайте об учёбе. Впрочем, и это пройдет». И он засеменил дальше. Я ошалело смотрю ему вслед – чёрт возьми, какая свадьба, какие события, что пройдёт? Я так растерялся, что, слава Богу, ничего не успел спросить. Я смотрю на улыбающегося Дина, он в первых рядах ржущей толпы, и, наконец, соображаю – нахал, женил меня без спроса, без благословения, сукин сын. Дин осеняет меня крестным знаменем, и вот я уже разведён неизвестно с кем, и всей гурьбой мы мчимся в столовку. «Компот за счёт жениха!» – кричит он.

И только на следующей лекции я обнаруживаю пропажу из моей фамильной галереи того злополучного листка с обнажённой Милой. Старый хрыч, и он туда же. Однако, вполне возможно, дело здесь в другом: просто ему понравился рисунок как произведение искусства, я же говорил, что здорово рисую. А ещё я думаю, что будет со всеми нами лет десять, двадцать спустя? Когда пройдёт первая, затем вторая молодость? Сможем ли мы вот так

неприхотливо, не обращая внимания на качество, а только лишь на количество, поглощать студенческие обеды, лекции, поцелуи, призывы, мечты и гимны?

Каждая лекция у нас начинается с университетского гимна. Мы стоим и ждём конца гимна, разумеется. Вначале я страдал, исчерпав все возможности приспособиться и разнообразить фонограмму; сочинял новые слова, извращал мотив, опаздывал или вовсе не приходил, пока, наконец, не сообразил заткнуть уши ватой: нет ничего лучше безмолвного протеста. Иногда я не вынимал вату и на лекциях. В тишине и покое я сосредотачивался, становясь серьёзным и внимательным слушателем, тем самым по дешёвке приобретая у преподавателей репутацию вдумчивого студента. На месте Прокуратора я издал бы указ об обязательном ношении ваты в ушах всеми гражданами Империи. Тогда, я уверен, процент лояльности в нашем государстве резко увеличился бы. Хотя, впрочем, есть и свои отрицательные моменты – если бы не вата, то я услышал бы, как ко мне подбирается Железный Дровосек. Однажды, ещё в начале семестра, он перед лекцией и гимном сказал: «Дети мои, я понимаю, что слушать одно и то же по пять-восемь раз в день, мягко говоря, надоест. Это как в семейной жизни: в начале любишь, потом ненавидишь, затем привыкаешь. Я думаю, вы прочно заняли позицию в третьей стадии. Поэтому я не буду

включать фонограмму перед своей лекцией, а просто мы с вами отстоим положенное время и примемся за работу. Поймите меня правильно – эта привычка пригодится вам в будущем. Выдержка и ещё раз выдержка. Я работаю в университете уже двенадцать лет и каждый день, перед каждой лекцией визирую у декана свои материалы. Это может не нравиться, но это обоснованно и логично». Вначале я не затыкал уши на его лекциях и предлекционном отстое, но мне это не помогало: в ушах привычно звучал накрепко вдолбленный гимн, а с ватой, как ни странно, – нет. Говорят, в следующем семестре начнётся судебная психология, вот тогда я всё узнаю об этом феномене.

5

Я иду по скошенной траве под зелёными сводами июньских деревьев мимо останков древнего фонтана к собору Истинной Правды. Улица распадается на многочисленные переулки и отрезки, соединяясь возле парка Улитки и Розы. Впереди идёт девушка – случайный попутчик на общей дороге. Она села на деревянную скамью, поправляя обеими руками волосы. Я прошёл мимо. Через несколько минут обернулся – девушка шла за мной. Холодный северный ветер дул в спину и заставлял идти быстрее. Я ускорил шаги и вскоре стоял возле старинных дверей храма.

224

225

– Вы мне не поможете? Я не могу закрыть, – сказала девушка, протягивая мне свой алый зонт.

– Привет, – говорю я. – Я помню Вас, как-то, давным-давно, мы сидели с Вами в одном кабаке, правда, за разными столиками. Впрочем, это неважно. Держите, всё в порядке.

– Спасибо.

– Нам, видно, по пути?

– Я здесь случайно, а, в общем, решила сходить в кино. Это рядом.

– К сожалению, у меня другие планы, но, если Вы не против, я провожу Вас до кинотеатра. Хорошо?

Девушка согласно кивнула головой, и мы вместе пошли по ступенькам вниз, в сторону проспекта Снежной королевы.

– Вы верующий? – спросила она.

– Да.

– Я тоже. Моя бабушка крестила меня. Родители не хотели этого, боялись, что я простыну. Мой старший брат умер от простуды. А Вас крестили?

– Не знаю. Может быть. Это важно тогда, когда знаешь наверняка. Как бы то ни было, нет ничего плохого в том, что родители заботятся о здоровье собственных детей.

– У меня сегодня паршивое настроение – ушла от своего парня.

– Мое настроение под стать вашему – у меня сегодня День рождения.

– Поздравляю. А почему Вы не празднуете дома?

– Обычно в этот день я хожу в церковь. Нечасто, верно? Ну, а дома и без меня весело, повод есть – мой День рождения. Его я там и оставил, пускай себе страдает в одиночку в кругу знакомых и друзей.

– Вы женаты?

– Да, женат, – соврал я.

– А почему нет кольца?

– Кольцо я тоже оставил дома. Обратите внимание на этого старичка. Это профессор, доктор юридических наук. Преподает в университете уже лет тридцать. В годы Сухо-го застоя его выгнали с работы за излишний натурализм и антипатриотизм. В то время людей делили на великий народ, сочувствующих и паразитов. Лет пять он вкалывал грузчиком в порту, пока сенатская комиссия не реабилитировала его, вернув все привилегии и звание доцента. С тех пор он защитил диссертацию на тему «Роль сверхличности Прокуратора в развитии норм нравственности и морали в современном свободном обществе», стал профессором и тихим алкоголиком. Ну, вот и дошли.

– А куда Вы теперь?

– Ещё не знаю, разве что вернусь тем же путем к церкви или опрокину с профессором пару-тройку рюмашек.

Надеюсь, он сделает вид, что помнит меня. До свидания.

– Прощайте.

«Что ж, девочка права. Это слово больше к месту», – думаю я, шагая обратной дорогой.

Служба уже началась. Запах ладана и молитвенных свечей смешивается с запахом свежескошенного клевера, пучками подвешенного к каменным стенам. Средневековая музыка размывает и уносит прочь усталость и одиночество. Земные проблемы становятся менее значительными, мир – сложным и осязаемым, действительность – обманом, а мечты – действительностью. Я подхожу к иконе Богородицы, зажигаю свечу и ставлю её рядом с другими. Порыв ветра колеблет бесчисленные огни. Свеча на ветру...

Я плотно закрываю за собой дверь и выхожу из храма... Ветер поднимает меня над городом, над облаками, я лечу в отражённом свете луны... Одиночество и сон, который скоро станет реальностью.

БИЛЕТ НА ЛУНУ

1

– Луна – отражённый свет ночной лампочки в окне, ближайшая звезда, видимая с противоположной стороны Земли. Раз – свет зажётся, два – доброй ночи, в палате всё спокойно. Раз, два, левой – маршируют солдатики из синего и зелёного пластилина. Одни собрались на севере, другие – на юге, поэтому и цвет разный, чтобы не перепутались. Принц, я сочинил новую молитву: «Господи, помоги мне не упасть духом, сделай так, чтобы я вышел из темноты, не потеряв зрения, заостенело и робко протягивая руку к звезде, сжимая её кончиками пальцев, чтобы не запачкать...»

2

– Как ты себя чувствуешь?
– Улыбка: «Я чувствую себя».
– Тихо, шёпотом: «Как её зовут?»
– На ухо: «Это не девочка, зовите его Принц, он сам себя так называет».
– Хорошо, хорошо. Его карточка? – громко: «Шизофре-

ния, паралич ног. Ну, здесь всё ясно. Пойдёмте к следующему. До свидания».

– Я этого не хочу.

– Чего не хочешь?

– Видеть Вас снова.

– Странные у вас больные.

– Это естественно.

– Послушайте, молодой человек, я понимаю, постоянное общение с этими неполноценными повлияло на вашу психику, но это не значит, что Вы должны забываться в присутствии старшего инспектора контролирующего Вас Управления. И что это за длинные волосы в психоневрологическом учреждении? Всех нужно стричь наголо, согласно инструкции. И что это за дурацкий шарик? В перечне разрешённых игрушек надувных шариков нет. И где утверждённый нашим Управлением обязательный лозунг – «Нельзя!»?

3

– Ну, что старая хрычовка отбыла?

– Да. Привязалась к Рыжику – почему шарик, длинные волосы? Его розу мусором назвала.

– Дура. Принца ей больше не показывать. К «бритоголовым» в следующий раз заведи. Пусть потешится. Кстати, его цветок расцвёл?

232

– К сожалению, нет, Мессир.

– Ладно, до весны время ещё есть.

– Рыжик Вам надоел?

– Дети мне не надоедают. Но это не значит, что ты можешь забыть о своей работе, Смерть.

4

«– Вы думаете, что Смерть освободит Вас от проблем и соединит с любимой?

Ошибаетесь. Я знаю, солдат, Вы – верующий человек. Тогда, исходя из постулата, что Бог справедлив, Он обязательно вернёт Вас обратно либо инвалидом, что часто случается с самоубийцами, либо в следующую жизнь, где Вы снова столкнётесь с теми же проблемами. От проблем нельзя убежать, их надо решать. Вы пишете и пишете хорошо, так напишите же книгу о себе или о ком-либо другом, у кого проблем гораздо больше, чем у Вас. И если Вы этой книгой поможете хотя бы одному человеку и измените его судьбу в лучшую сторону, значит Вы пишете не зря.

В нашей больнице есть мальчик необыкновенно добрый и умный, и главное – он сохраняет оба эти качества во всех выдуманных им личностях. То он супермен, работающий под моим руководством, и тогда я не только главврач психбольницы, но и знаменитый Булгаковский Мессир – Во-

233

ланд, и все сотрудники и больные вокруг – персонажи из его любимых книг и мультфильмов. То вдруг он философ и полный воспоминаний старик – садовод, а на следующий день – Принц из сказок Андерсена и Экзюпери. И все эти личности реальные, он не играет в них. Они живут каждый в своём мире и никогда не пересекаются. Кроме того, он инвалид, и поверьте, его проблемы намного больше ваших. Познакомьтесь с ним, это будет полезно и Вам, и ему. И, быть может, Вы напишите книгу не только о себе, но и о нём».

– Вот такой разговор состоялся у меня с Гудвином ровно год тому назад.

– И он поверил Вам, Мессир?

– А кто не поверит главврачу. Ну, не тебя же ему показывать в виде примера вдохновения, Смерть. Или лучше всё же, Волшебник? Ведь Смерть, как сказал наш друг, всегда волшебство. Но речь сейчас не об этом. Главное то, что Гудвин стал писать книгу. А эта книга изменит судьбы многих людей.

5

– Принц, зачем тебе так много солдат?

– Просто столько было пластилина.

– А ты из всех вылепи одного большого солдата.

– Но тогда он не поместится на шарике. Да и мне будет скучно без них. Знаете, какие они разные. На самом деле

они не солдаты, они – эльфы. Солдатами их сделали короли. Вот это – южный король, это – северный.

– Но они такие же, как и остальные эльфы.

– Да, такие же, ведь пластилин у меня один и тот же. Но кто-то должен быть королём.

6

– Солнечный Король, ты ведь знаешь, что такое день рождения?

– Это чудесный праздник поздравлений.

– Я обязательно поздравлю тебя. Помнишь, я рассказывал о Принце? Так вот, весной у него день рождения. Ты не мог бы вырастить у него под окном цветов побольше, всяких, какие тебе понравятся?

– Конечно, Мессир. А как дела с его колючкой?

– Ну, это я беру на себя. Я думаю, что колючка у Принца обязательно зацветёт, уверен, что такого цветка ты ещё не видел.

7

– Можно войти?

– Входите, Микки. Здравствуйте. Здравствуйте, Мур-Мур. А где остальные?

236

– Кошки – народ непоседливый, им бы всё что-нибудь праздновать. Каждый прожитый день – праздник. Да и день сегодня особенный – первый день весны. Вот мы с Мур-Муром решили поздравить тебя с этим праздником.

– Спасибо. Я тоже поздравляю вас с Новой весной.

– С Новой весной? Что ж неплохо, вкусно. «Новая весна» – звучит.

– Микки, у меня роза расцвела. Посмотрите. Она за шторой.

– Обалдеть! Да ещё красного цвета. Неужели эта та самая колючка, которую ты подобрал зимой? А запах как от нашей новой сиделки.

– Вам нравится?

– Конечно. Очень. Знаешь, теперь я понимаю, почему ты назвал его розой. Такому необычному цветку нужно и необычное название.

– Я дарю Вам розу, Вам и кошкам.

– Спасибо, дружище, ты балуешь нас, подарок я принимаю, но стоять цветок будет здесь, а я стану почаще забегать к тебе и к розе. Ведь, как бы-то ни было, она не зря выжила и расцвела именно у тебя.

8

– Можно, я подвезу тебя?

– Спасибо, Дональд.

237

– Это плохая каталка. Мессир мне говорил. Только никому. Хорошо? Он говорил, что придумал новую, не надо руками толкать колеса, подумал – и она сама едет, куда хочешь. Но тебе она не нужна будет. Я подслушал. Мессир сказал, что ты сам будешь бегать. Я сочинил новую молитву. Меня спрашивают: «Ты что, с Луны упал?» – а я нормальный, меня скоро выпишут. Ты знаешь, я прячусь здесь, чтобы не стать лунатиком, а то меня посадят снова в тюрьму. Утром я услышал новую молитву о твоей звезде: «Господи, помоги мне не упасть духом, сделай так, чтобы я вышел из темноты, не потеряв зрения, заостенело и робко протягивая руку к звезде, сжимая её кончиками пальцев, чтобы не запачкать. Господи, помоги мне увидеть её, даже если это, в конечном счёте, окурок». А что такое звезда? Ты её видел, Принц?

– Нет, о звёздах рассказывал капитан. Он их видел, когда во время войны служил лётчиком. Он сказал, что над Землёй не всегда были облака. Когда-то, очень давно, звёзды можно было увидеть, и не поднимаясь вверх. Тогда солнце светило и согревало, не скрываясь бледным пятном за вечными облаками, а луна отражала звёздный свет, превращая ночь в день. Он сказал: «Когда падают звёзды, я закрываю глаза».

– Значит, звёзды летают, как мои бабочки.

– Я до сих пор летаю во сне словно ребёнок.
– А я уже стал взрослым, благодаря и детям, и взрослым.
– Взрослым и я был когда-то.
– И кем же ты стал теперь?
– Волшебником, добрым, разумеется.
– А почему не Золушкой? Или Белоснежкой? Или девочкой со спичками?
– Или болтливый торопыгой. У меня склонности иные. Осади, приятель, и внимай. Быть может, я даже таинственным голосом вещать буду. Нервных па-апрошу не хихикать. Алле-оп. Цветок за шторой. Что, он уже здесь стоял? Ничего. Бывает и у профессионалов. Одну минуту: раз, два, три. Получи. Вот тебе в подарок настоящий, волшебный... Господи, откуда он? Ладно, талон так талон. Это он, это он, одноразовый талон. Не перебивать, не суетиться. Это не простой талон на одну поездку в общественном транспорте. Это билет на Луну. Где мы только не были. Стоит только взять его в руку и прочесть номер, так сразу же, без промедления, перед тобой появится жёлтая кирпичная дорога, ведущая в страну Чудес, где доподлинно проживают: Элли, Алиса, Кот Бегемот, семь, кажется, гномов, эльфы и, разумеется, достаточно мудрые короли. Но, Рыжик, помни – идти по этой дороге можно только ногами.

– Я не смогу.
– А ты попробуй. Ведь без тебя ничего не будет в стране Чудес.

БЕЗ ТЕБЯ

1

Розовый туман бесшумной рекой уносился вниз, в темноту мостовой, водопадом низвергался в подворотни и крытые дворики старого города. Я шёл босиком, ступая по влажным, тёплым плитам, по пояс в тумане, и насвистывал шлягер Тима «Старые башмаки». Весна, как никогда, была в ударе и уже сейчас расцветила земляничные деревья в белые и изумрудные тона. Сверху падали набухшие от сока цветы, я ловил их и высасывал созревший под вечер нектар. Молочные лепестки пунктирной линией обозначали мой путь, срывались с места и, гонимые бесконечным туманом, исчезали вдаль. На перекрёстке пустынных дорог я на мгновение остановился, надел туфли и снова пошёл вперёд, навстречу идущей мне девушке. Расстояние между нами сокращалось, я за-

медлил шаг, обдумывая наименее избитые мною и другими способы уличного знакомства. Но мне рисковать не пришлось – это была моя старая знакомая, которую я видел в киношном кабаке, затем возле собора Истинной Правды. Я приветствовал её, по обычаю новых, поднятой рукой: «Салют свободной молодёжи». Она в ответ устало кивнула головой, переложила довольно тяжёлую, судя по размерам, сумку из одной руки в другую, и пошла, не оборачиваясь, в сторону кладбищенских ворот. Я остановил её, взял сумку: «Проводить тебя?» Она слабо улыбнулась, оперлась на мою руку, и мы вошли под своды древнего храма язычников через полумрак открытых ворот. Девушка подошла к алтарю, стала на колени, сложила ладони в запрещенной молитве. Я, на всякий случай, оглянулся, но вроде бы в храме никого не было. Тихо и пусто, только в вышине сонно шелестят крыльями церковные совы. Я сел в истёртое многими поколениями язычников Думное кресло и стал, как полагается, думать о многочисленных Богах старой непреходящей веры: Бог леса, полей и урожая, Бог солнца, луны и звёзд, Бог мира, Бог мудрости, Бог красоты, Бог милосердия... И над всеми бессмертными Богами – всемогущий Бог любви. Это были свои, домашние Боги, живущие в каждой семье, в каждом из нас. Они заботились о судьбе отдельных смертных, не гнушались беседой с людьми, делили с ними трапезу, радость и горе,

потому что могущество Бога проявлялось только в добре, творимом на земле, потому что и Боги были людьми. А не абстракцией, требующей миллионные жертвы в счёт райских благ. Девушка встала, провела ладонями по бёдрам и подошла ко мне. Я уступил ей место, сев рядом в поросшую мхом нишу.

– Как тебя зовут?

– Ассоль, – неожиданно звонко сказала она.

– Куда путь держишь, Ассоль?

– Никуда. Моя коммуна накрылась. Буду ночевать здесь.

Я вспомнил рассказы капитана о всякой нечисти, прописанной на кладбище, и с уважением посмотрел на наивно-детское личико девушки. Вверху кто-то завозился и застонал, серая тень промелькнула в нескольких шагах от нас. Она побледнела и схватила меня за руку. Я сделал вид, что ничего не заметил.

– Хорошо. Теперь твой черёд провожать меня. Тем более что я не так вынослив и не прочь перекусить, – сказал я, поднял сумку и двинул на выход, ободряюще улыбаясь идущей рядом Ассоль.

Выйдя за кладбищенские ворота, мы снова рука об руку зашагали по чистым и влажным от тумана цветущим улицам. Я научил Ассоль высасывать нектар из белых земляничных цветов и угадывать ближайшее мгновение по сорванным лепесткам. Она взбодрилась, улыбнулась и

даже понравилась мне. Я рассказал ей несколько смешных историй из жизни придворных знаменитостей. Она смеялась, повиснув у меня на руке, дёрнула за рукав: «Расскажи ещё», – зверёк, почувствовавший ласку. Мы вошли в тот же кабак, где я встретил её и Гудвина, в общем-то, не придавая тогда особенного значения этим встречам. Всё случайно и закономерно. Друзья и враги, лучшее и худшее, жизнь и время, Гудвин и Ассоль, я и заказанные мною шницели. Иногда необходимо подчиняться сиюминутным увлечениям. Примерно в таком духе я уговорил её поужинать со мной. Вымытое личико стало милее и моложе, и больше восемнадцати ей никто бы не дал. После оживлённой болтовни и смеха мы замолчали, уминая каждый свою порцию. Она была голодна, но держалась стойко; не спеша и не суетясь, нажимала на мой обширный заказ, неожиданно удивив меня знанием всех ресторанных и аристократических правил. Время от времени я подливал ей в тарелку соуса и в бокал – апельсинового сока; от шампанского она отказалась. И, слава Богу, я так и не привык к этому обязательному пойлу.

Наступила ночь, как всегда тихо и незаметно. Плотные красные шторы налились уличным светом, как детский рождественский фонарь, превращая всё в театральный реквизит, а нас – в желанных и умных зрителей. Мы молча смотрели друг на друга, в полумраке пропадало выра-

жение глаз, только вырисовывались, помогая памяти, общие черты лица. Ассоль заговорила. Голос её в табачном дыму звучал мягко и приглушённо:

– Когда мне исполнилось шесть лет, умерла моя мать. Отец погиб ещё раньше, его я почти не помню, только короткие эпизоды, семейные фотографии и письма. Меня воспитывала бабушка – мамина мама. Детство прошло в загородном доме, откуда мы почти никуда не выезжали. Бабушка была известным художником-портретистом и обычно целые дни напролёт работала в своей мастерской. В редкие часы отдыха я забиралась к ней на колени, задаривала конфетами – мы обе были сладкоежками, и, раскрыв рот, слушала обещанные сказки. Только спустя много лет я поняла, что сюжетом большинства бабушкиных сказок служила её собственная, полная приключений жизнь. В молодости она объездила весь свет, встречалась с великими и просто умными людьми, влюблялась, выходила замуж, разводилась, либо просто удирала, и при таком характере, разумеется, чаще необходимого подвергала свою жизнь опасности. Но, однажды, всерьёз потеряла голову и родила мою мать.

Во время войны бабушка поступила на дипломатическую службу и оставила меня на попечение своего последнего мужа, у которого я прожила почти два года. В тринадцать лет я влюбилась в нарисованный бабушкой

портрет, висевший в её спальне. В пятнадцать отдалась известному футболисту. Внешне он чем-то напоминал мне моего кумира. Ассоль замолчала, потушив сигарету, и закурила новую.

– Много раз я пыталась хоть что-то изменить в своей жизни. Даже попросила Гудвина, моего опекуна, оформить выездную визу, куда угодно, где быстрее примут.

– Это не с твоим ли родственником я беседовал здесь? – перебил я её.

– Да, Гудвин – бабушкин муж. Они жили каждый по-своему и не мешали друг другу. Может быть, поэтому и не разошлись. Гудвин любил мою бабушку, хоть это было и нелегко. Несколько лет они просто переписывались друг с другом. У каждого были свои заботы, к тому же, он работал по договору в Восточных республиках и все эти годы оттуда не выезжал. Отношение бабушки к мужчинам в какой-то мере передалось и мне. Может показаться, что она легко и безболезненно меняла их и не очень-то горевала о потерях. Это не так. Иначе она не выходила бы так часто замуж. Бабушка была впечатлительным и влюбчивым человеком, прошлые ошибки учили её только одному – как можно больше надевать их в этой быстропроходящей жизни. И не её вина, что многие захлёбывались в этом стремительном потоке.

Так вот, я ждала своего принца и пыталась найти его среди мужчин, хоть чем-то похожих на мой идеал. Разу-

меется, я вышла замуж, и спустя восемь месяцев сбежала от него. Наверное, я слишком много требовала от мужа, совсем мальчика, моего ровесника. Он был красив и до идиотизма наивен. Меня саму нужно было в то время держать в узде, учить и воспитывать, а матерью мужу-ребёнку я ещё не могла быть. Впрочем, матерью я всё же стала с его помощью. У меня родился мальчик. И с первой его болезнью я сразу же повзрослела, утратив бабушкины иллюзии и взгляды на жизнь.

Единственный человек, которым я жила, был мой сын – Рыжик, Рыжик-крокодил. Из-за него я бросила курить, приучила себя к сдержанности и порядку. Рыжик часто болел. Когда он родился, в то, что он выживет, верила только я. Эта вера спасла его и меня от смерти. Без него, я твёрдо знала, мне не жить. Он стал единственным звеном, соединяющим меня с жизнью, с людьми и с моими собственными чувствами. От бабушки я как-то незаметно для себя отошла. Разговаривая с ней, ощущала безразличие и пустоту. Попытки бабушки развеселить меня только раздражали и выводили из себя. Тогда я уходила прочь, закрывалась в комнате своего ребенка и от души ревела наедине, в спасительном одиночестве, прижимая к груди своё сокровище.

Как-то раз утром я нашла в гостиной записку от бабушки. – Она уехала вместе с Гудвином на север сни-

мать фильм по его сценарию. Я облегчённо вздохнула, мне никого не хотелось видеть. Одиночество и любовь к сыну – это всё, к чему я стремилась и посвятила себя. Первые шаги, первое слово – «мама». Он всегда держал меня за палец, засыпая в своей кроватке. И однажды, ему было три года, проснувшись, я увидела, что Рыжик спит на коврике возле моей кровати, укрывшись старым бабушкиным пледом. Я перетащила его кроватку к себе в спальню, и с тех пор, даже ночью, мы с ним не разлучались. Рыжик боялся темноты, но когда я выключала в спальне свет, пел для меня песни и рассказывал сказки. «Мама, не бойся, я здесь», – говорил он мне и долго держал меня за руку, чтобы я никуда не ушла. Я растеряла всех знакомых, а друзей у меня не было. Да это и к лучшему. Бабушка с Гудвином, конечно же, не в счёт. Я успокоилась и поняла, как мне их не хватает. На Рождество я отправила им письмо с поздравлением и отпечатком Рыжиковой ладошки. Через несколько дней бабушка и Гудвин прилетели к нам с кучей новогодних подарков. Вместе с Рыжиком мы целый день разбирали их, наряжали ёлку, и я, наконец, почувствовала себя живой и настоящей, будто с меня сняли непроницаемый, стеклянный колпак и разморозили сердце.

В то время я раз в неделю посещала психоаналитика, бабушкиного знакомого. Просторный белый кабинет

со звуконепроницаемыми стенами. Внимательный, мудрый собеседник, с которым делишься всеми мыслями и заботами. Он всегда скармливал мне кучу шоколадных конфет: «У тебя плохие вены, – говорил он, – что ж, будем иначе вводить глюкозу». После разговора с ним мне всегда становилось легче и свободнее: ведь, всем хочется, чтобы нас хоть кто-нибудь понимал. Иногда, когда становилось совсем невмоготу, я приходила к нему не по расписанию. Он тотчас откладывал все свои дела и занимался только мной, не обращая внимания на телефонные звонки и внутрибольничные вызовы. Я его боготворила: известный врач, гораздо старше и умнее меня, разговаривал со мной как с равной, никогда не навязывал своего мнения, внимательно выслушивал и был по-старомодному галантен. Как-то раз, в один из обязательных дней, перед уходом, с его разрешения я звонила бабушке. Мы болтали о Рыжике, о домашних делах, как вдруг почувствовала, как с меня снимают юбку: я похолодела и не могла ничего сообразить; бабушка что-то мне советовала, а я уже стояла со спущенными до колен трусиками. В ужасе я бросилась к дверям, но он поймал меня и изнасиловал, ни слова не говоря, в белой тишине солидного кабинета. Домой я вернулась поздно, вдрызг пьяная, и тотчас в гостиной завалилась спать, даже не зайдя к Рыжику. На следующий день по хода-

тайству моего бывшего мужа полиция нравов отняла у меня сына. Частные агенты, нанятые им, сфотографировали меня в кабинете бабушкиного знакомого. Потом в привокзальном сортире меня вынул из петли Дональд со своей шайкой новых, и я приткнулась к ним, пока Дональд не сошел с ума от наркотиков и банда не развалилась. Вот, пожалуй, и всё.

2

«В связи с моей осведомлённостью об оперативной работе Секретной Службы, я предупреждена об уголовной ответственности по статье 75 Уголовного кодекса Империи. В целях моей личной безопасности свои отчёты я буду подписывать – «Мальвина».

3

Гудвин провожает меня к машине и говорит: «Все мы летим к объединяющей нас цели – к Смерти. Только одни падают и разбиваются, другие – приобретают крылья и поднимаются вверх. Эти крылья даёт любовь к единственной женщине в мире, кем бы она ни была – даже матерью, бросившей нас в детстве, даже любимой, расчётливо разбившей сердце, даже женой,

изменившей с соседом, даже ангелом, продающим свою любовь...»

4

- Ты хотела бы увидеть Рыжика?
- Ты шутишь?
- Нет. Я могу это устроить, но назад ты уже не вернёшься.
- Я не верю тебе. Что ты хочешь от меня? Но даже если ты и врёшь, за то, чтобы быть с сыном, я отдам всё.
- Даже жизнь?
- Господи, зачем мне такая жизнь?
- Что ж, пусть будет так.

5

Я вхожу в палату Рыжика, шторы опущены, постель заправлена, запах дезинфекции и лекарств. На тумбочке роза и фотография юной девушки: белые волосы, голубые глаза, тонкий браслет на нежной руке. Всё имущество Принца. Я забираю фото и цветок, уношу в дежурку. Последняя запись в регистрационном журнале.

Порыв ветра из открытого окна, страницы шелестят, фотография падает на пол. На обратной стороне надпись – «Мама».

МАМА

«Я любил тебя, мама. Я любил тебя. Ты была моей первой любовью. Ты стала моей вечной мечтой. Мечтой о маме. Я ищу тебя в каждой женщине. Я обнимаю, целую и, молча, кричу: «Мама!» Но это снова не ты. Я не знаю, где в одиночестве искать тебя, кто сможет стать тобой, не заменив ни одной любимой черты и твоей доброты. Единственная, прощай. Холод – и твой голос, полный тепла. Холод – и твои руки. Нет. Тебя нет. И я снова бегу в детство, где с закрытыми глазами целую твои волосы. Я не могу никак повзрослеть. Я не могу быть таким, как все. Без тебя. Прощай. Ты предала меня. Ты ушла от меня. Тебя нет. Нет в этой женщине, предавшей меня в детстве. Живи без меня, мама».

СМЕРТЬ

«Мама», – шепчет мой собутыльник и в отключке падает на пол. Передо мной на стойке бара шеренга бутылок – я наливаю всем, кто хочет чокнуться со мной, и, разумеется, от желающих нет отбоя. Алкоголь не берёт меня, толь-

ко мрак и безумие подбираются всё ближе и ближе. Я снова читаю записку: «Я всегда буду любить тебя. Прости и не ищи меня. Твоя Мила». Боковым зрением вижу Мессира, он, как всегда, появляется из ниоткуда бесшумно и неожиданно. Молча, наливает себе до упора, выпивает, морщится и говорит: «Держи, это намного лучше. Виноград из моего сада». Рядом со мной материализуется, покрытая плесенью, бутылка из чёрного стекла с иероглифами на красном сургуче. Лёгким движением руки Мессир открывает бутылку и наливает мне и себе. Аромат древнего букета, благородства и волшебства наполняет всё помещение кабака. Время остановилось, мгновенно наступила тишина. Я чокаюсь с ним и выпиваю до дна. Боль, горе и тоска исчезают. Пространство сжалось и раскрылось вновь... Падает лёгкий снег, я стою в цветущем саду и держу её за руку, она улыбается мне, целует и тихо растворяется в воздухе. Я слышу голос Мессира: «Мила – моя дочь. Она так же, как и ты, выполняет свой долг. Обещаю тебе: быть может, не сейчас, не в это время, не в этом мире, но ты обязательно встретишься с ней». «Почему!?! – кричу я. – Почему нельзя было со мной попрощаться и просто сказать: «Жди!» «Почему?» Туман белым облаком накрывает меня, мой крик тонет, рассыпается и исчезает вместе со мной. Я падаю вниз – сон и пустота, покой и одиночество, равнодушие и Смерть.

ИЮЛЬСКОЕ УТРО

«Смерть врагам нашей Мечты» – читаю я обязательный лозунг имперской агитки на воздушном шаре высоко в небе. Утро. За открытым окном лето и голоса бывших студентов столичного университета имени Вождя всех народов. Теперь мы все с этого дня дипломированные специалисты. Студенческие годы позади, приятно и страшно: вкалывать – не учиться. Я лежу в общежитии юридического факультета, ноги на спинке кровати, под головой диплом, на люстре висят старые башмаки – мой талисман, в них я поступал пять лет тому назад...

Последний госэкзамен по уголовному праву. Я в первой пятёрке, моя очередная бывшая беспомощно смотрит на меня, я мгновенно снабжаю её шпаргалкой. Впервые после того, как мы разбежались, она не отказывается от моей помощи, гордость забыта, самое главное – оценка. Потом прощальный ужин в Центральном ресторане. Все пьют, танцуют и смеются. Моя милая внимательно смотрит на меня: я самый молодой в нашем выпуске, а значит, у меня больше шансов и времени выбраться наверх. Она ждёт, когда я приглашу её на танец, но, в пику ей, вовсю ухлёстываю за её лучшей подругой, и не без взаимности. За этот год я наделал массу глупостей, меняя лёг-

ких подруг чуть ли не каждый день; и когда я понял, что меня больше увлекает процесс, чем результат, мне стало скучно, и я остыл. Но, во всяком случае, не до такой степени, как бы мне хотелось. За окном слышен её голос, она говорит: «Все мужчины – дураки».

СТАРЫЕ БАШМАКИ

1

Мы втроём вышли из кабака, держась друг за друга. Буратино сел на ступеньки и завёл речь:

– А Мальвина мне и grit: «Все вы одинаковые. Все мужчины – дураки». А я ей: «Я узнаю иностранцев по обуви, у них самая, что ни на есть замызганная и растоптанная обувь, на уровне домашних тапочек. Мы себе этого не позволим. Наш человек начинается с ног, а кончается всюду одинаково: ногами вперёд. Вот разница между ними и нами, остальное – религия, государственное устройство, история, сказки и астрономия несущественная мелочь и ерунда. И, именно поэтому, я воевал бы с ними: за чистоту обуви, за свободу только классических линий, за равен-

ство всех шнурков, за мечту о натуральной коже любого цвета. Если он белый. Я воевал бы с ними идейно: носил бы только новую, вчера купленную обувь, не снимал бы башмаки даже в постели и не носил бы носков: так, говорят, обувь быстрее изнашивается. И как апофеоз – грохнул бы их ракетой по мозгам. Почему мы должны страдать от собственной обуви, а они нет? Правда, есть выход: снять сапоги и перейти на домашние тапочки, но как тогда определить, где враги нашей Мечты, а где лояльные граждане? Больше ведь, чёрт возьми, они от нас ничем не отличаются».

2

Вот уже полгода я и Азazelло проходим стажировку в столичной Конторе, завтра мы уезжаем в Изумрудрудный город. Предписание в кармане, и я иду прощаться со своими друзьями в «Земляничные поля». Снег скрипит, больничный парк тёмный и тихий, я останавливаюсь и перекладываю в другую руку сумку с подарками.

3

– Сердце – это единственный ориентир в этом мире иллюзий и обмана. У каждого, в конце концов, и в разное

время, появляются свои мысли и отношение ко всему, что касается и не касается его. Это гарантированные и непреходящие ценности, потеря которых многих приводит в наш гостеприимный дом для душевнобольных под романтичным названием «Земляничные поля». Не каждому дано, вернее, каждому не дано бесхлопотно и просто поменять мир, придуманный и подтверждённый годами и опытом, на мир реальный. Тем более что этот переход не приходит, заранее предупредив. Мгновение, и перед тобой раскрыты двери во тьму и бессердечность бытия, где ты – всего лишь случайный набор нелепостей, готовый распастись в любой момент. И тут включается здравый смысл: «Нет, быть этого не может, человек – венец Вселенной», и всё идёт своим чередом, всё дальше и дальше унося в спокойствие и незыблемость собственных иллюзий. Ну, а если это не удаётся – то ли здравый смысл подвёл, то ли удар превышает норму, тогда есть ещё один выход: нырнуть в другой придуманный мир. Только единицам удаётся всю жизнь, и поверь мне, очень короткую жизнь, смотреть правде в глаза. Остальные занимаются политикой, сексом, рыболовством, пьянством, карьерой и борьбой за равные права. И всегда, и во все времена одно и то же. Это, как старые башмаки – мода приходит и уходит, а они остаются, и если не на ногах, то уж обязательно на чердаке.

Я думаю, – продолжает Мессир, – что всё происходящее на этом свете: империи, войны, деньги, религии, уничтожение цветов, ложь и анкеты – придумано людьми в противовес созданных Богом бессмертию и любви. Ты ни о чём не спрашиваешь меня и ни в чём не упрекаешь. Я ценю это. И, надеюсь, ты веришь мне. Я никогда не манипулирую друзьями. Людмила сама полюбила тебя искренне и всем сердцем, так же как и ты. Это письмо от неё.

– Спасибо, – говорю я и тут же вскрываю конверт. На тонком листе бумаги с её фамильным гербом только одно слово: «Жди».

4

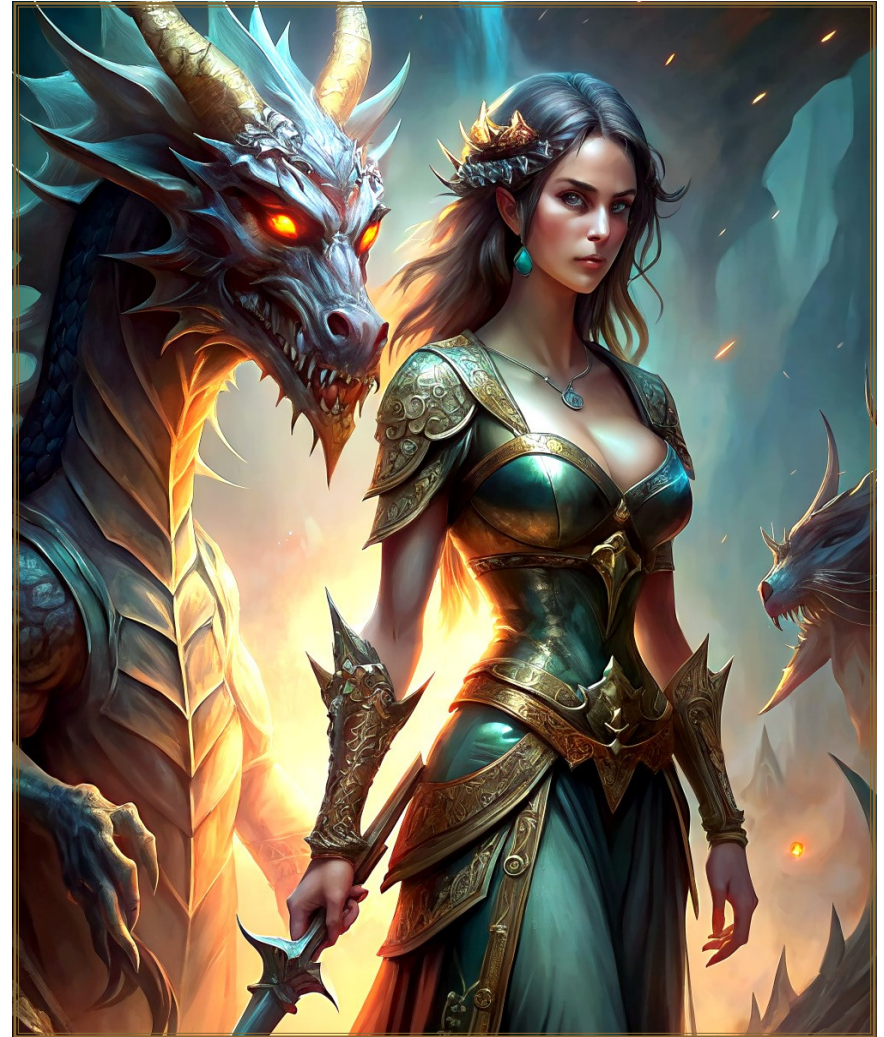
– Безразличный циник, безрадостный фигляр, поселившийся нас в мир, ещё более страшный, чем тот, в котором он сам живёт? Всемогущий волшебник, кукловод, садист или сапожник, не вылезавший из старых башмаков? Я с ним незнаком. И, именно поэтому, могу сказать: «Раз я его не видел, значит, Он не существует».

– Ну, а если Он всё же существует вместе с нами, Микки? – говорю я.

– Тогда Он такой же вымышленный, как и все мы.

270

271

– Я думаю иначе.
– Вселенная для них была хорошо изученной и привычной улицей. Она слишком кругла, чтобы рано или поздно, или еще позднее, не наткнуться на нас, на всех нас, оптом и в розницу, считавших себя пупом этой Вселенной. Они вовремя тормознули. Правда, не обошлось без эксцессов – дырка в черепе современного гомо, который старше любой теоретической обезьяны на несколько миллионов лет, тридцатиметровые обелиски, созданные в эпоху обезьян, Сын Господень, анонимные письма об атомной энергии, «Чёрный принц», эльфы, гномы и писатели. Даже слабые попытки вмешаться вскоре были прекращены: не превратишь ведь всю Землю в резервацию, ещё, чего доброго, земляне потребуют огненной воды. В конце концов, они позволили себе только одно – наблюдать. Наблюдать в одну огромную, шелестящую, с запахом, хорошо сжигаемую, обычно 20 на 13 сантиметров замочную скважину, в эти ежедневные, ежегодные доносы – книги подлицов-писателей, ихних платных агентов. А может? А может, это они и есть? «Гудвин мне в мозги зашёл после полбутылки, но я девок не нашёл: ни одной картинки».

Я оглянулся. По больничному коридору, насвистывая «Марш энтузиастов», шёл вновь назначенный участковый

сержант. Дональд Дак, согнув ноги в коленях, погнался ему навстречу: «Снял штаны и башмаки, поздравляю милку: «Книжки шибко дороги, я купил бутылку».

МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ

Во всем мире дети похожи друг на друга и не отличаются ничем.

Мы все в детстве лепили из пластилина больших и маленьких, в зависимости от собственного желания и количества пластилина, солдатиков, героев и зверей. Мы верили в них, жили вместе с ними, знали о них всё. Они были частью нас. Проходило время – они пылились, теряли форму от частого передвижения вверх. Мы росли. Грани стирались, опускались вниз, игрушка превращалась в бесцветный, липкий ком. Но мы всё ещё верили, всё ещё ждали, слышали памятью любимое: «За мной, мушкетёры!» Потом, к сожалению, мы выросли, вступали в ряды, гордились своей причастностью к делам Родины. Мы пытались, предлагали, искали, всё ещё ждали. Мы любили, думали о любви, заставляли себя любить, затем – ненавидеть: за обман, бессмысленность громких слов, идущих вверх, за бесцель-

ность потерянных лет, за рост единых рядов. И не могли заставить – любовь и ненависть преимущество молодых. Большая часть из нас покончила равнодушием, сексом, телевизором, интернетом, выпивкой и разводами в среднестатистическом кругу. Некоторые сумели превратить свой цинизм в смысл и мастерство. Хотя и они – часть нас, потерявших любовь, сделавших равнодушие своей религией. Каждому своё хобби, как у меня писать сказки для самого себя. И для тебя, конечно. Надеюсь, тебе и кошкам не надоело слушать меня. И думаю, менее скучно, чем рассуждения ответственных работников. Круглая форма пыльного солдата, тихим, хорошо поставленным голосом кричащего: «Смирна-а-а!»

ЖЁЛТАЯ РЕКА

1

– Смирна-а! Равнение направо!
– Мы решили умереть, чего бы нам это не стоило! За это мы готовы отдать даже жизнь... И, как один, умрём в борьбе за это. Чтобы, в конце концов, упорядочить хоть

что-то в бесконечном бардаке и бессмысленности. Мы даже сумеем подохнуть позже желающих подохнуть в последнюю очередь. Для этого мы провозгласили этот день – День Благодарения. С тем же успехом мы провозгласили бы День Независимости и День Ответов Вождя, хоть каждый выходной день. Пожалуйста. Нет вопросов.

Смысл не в том, как назвать, определить, обозначить предмет, смысл в том, чтобы наши соотечественники жили радостно, спокойно и убогаторённо, не зная о нашем решении. И нам это удастся. Антракт. Попрошу в буфет.

2

– Второй вопрос повестки дня: утверждение шестилетнего Устава, представленного Имперским Комитетом по лояльности и единству. Докладывает Берлиоз.

– Соблюдение ритуалов и каждой буквы Устава, внешнее смирение ханжеской добродетели и внутренний расчёт на будущие блага – проявление всё той же неувыдаемой человеческой черты – эгоизма. Мы забываем о главном – о сущности Устава, призванного наиболее эффективно организовать контроль за каждым винтиком, используя его несбыточные надежды и мечты. С небольшими уточнениями Устав в этом году выглядит так: ...

– Я включаю сигнализацию и спускаюсь в лифте на восьмой этаж. Боковые люки открыты настежь, тишина и покой в нашем подземном доме. Я иду по освещённому ночниками коридору, вхожу в спецотдел. На экранах – город и Жёлтая река. Счётчик, как всегда, – до упора. Река уносит всё радиоактивное дерьмо – отходы производства нашей электростанции. И, конечно же, плюс ещё недавняя авария в третьем блоке. Водичку, разумеется, мы эту не пьем, в отличие от населения города. У нас полная автономия. Я сажусь за стол, включаю свой комп и открываю полученное из больницы письмо. Дональд, узнав, что я работаю в Секретной Службе, регулярно снабжает меня разного рода доносами. Это радует – меня всё ещё помнят, несмотря на то, что я работал под руководством Мессира простым санитаром. Хотя Смерть простой не бывает никогда. Я выключаю телевизор и принимаюсь за чтение – «Отчёт о внеочередном заседании Верховного Комитета от 15 марта с.г.»:

«В казематной сырости общей палаты, экономно освещённой единственной церковной свечой, значительно шаркал ногами и вещал Прокуратор. Напротив, в первых рядах подхалимов, я узнал по нарукавной метке Варенуху. Сгорбившись над рукописью, он старательно выдирает, отмеченные красным карандашом, пожелтевшие

страницы и вместо них торопливо вставлял, предварительно смочив слюной, розовые листочки из какого-то школьного учебника. Заметив меня, гордо выпрямился и, на всякий случай, попытался спрятаться под стол. Его лысина тут же покрылась многочисленными плевками уязвлённых соседей. Но и под столом, освободив руки, он маски не снял, а только вытирал вспотевший лоб и тихо однообразно выл. Рядом с ним без масок, без знаков различия веселились, становясь самими собой, хитрые жевуны. Однако не увлекались, поочерёдно ныряли под столы, солидно примеряя льготные маски. В самом тёмном углу, неизвестно кому, горячо молился Римский, периодически засовывая себе под ряску голубых мальчиков. За задними беспокойными рядами неусыпно следили мигуны из Секретной Службы. Время от времени они перехватывали записки, отправляемые бритоголовыми Главному, и самолично отвечивали подзатыльники провинившимся. Возле пустующей кафедры стоял на голове Мудрый Каифа и громко комментировал народные слова. Через равные промежутки времени Прокуратор совал в его раскрытую пасть куски сахара. Когда же он поворачивался спиной, Каифа невозмутимо сжирал очередную порцию сам. Вдруг в налаженный механизм образцового урока вихрем ворвались Нажиматели Кнопок: «Смирна-а! Все на фронт! Сволочи!»

ХРУПКИЙ

Когда у власти нажиматели кнопок, хорошо быть дураком, а ещё лучше – цветком. Дурак ничего не понимает, а хрупкий цветок не успевает понять. А впрочем, все люди – сволочи, поэтому я их люблю, иногда, когда не завишу от них. Сложно быть независимым? Это как унижение и страх: всё в тебе самом. Так же, как и любовь, когда она независима от социальных и материальных изображений. Вот нас трое: Человек, Собака и Кот. Я понимаю, вам глубоко наплевать на моё общественное положение и родословную, а учитывая твои постоянные многодневные походы, дружище, то и на мою жратву. Кстати, где это ты достанешь ореховые конфеты? Как я в курсе, в нашем продмаге их нет, как, впрочем, и всего остального. Секрет? Что ж, всё равно спасибо...

Дождь. Уже осень. Всё течёт, всё изменяется.

ЦВЕТЫ В ГРЯЗИ

1

– Все изменения в человеке происходят по тем же эволюционным законам, что и изменения в любом обществе.

– Волшебник, в каждом из нас есть набор всевозможных черт, страстей и страстишек, света и тьмы.

– Правда, соотношение светлых мыслей и тёмных всегда разное, и у каждого – своё.

– И это хорошо. Можно разделять не только экономически, но и по диагонали.

– И властвовать. Над теми, чьё соотношение недостаточно отбалансировано светом государственного приращения. Но, как бы-то ни было, весь сонм человеческого несовершенства вращается вокруг этой исключительной и неизменной черты – определяющего стержня.

– Жажда власти. Шикарная черта.

– Власть над живым существом, а лучше над человеком, и, если удастся, над своим или чужим народом.

– В конце концов, кто-то же должен управлять толпой, организовывать и направлять. К сожалению, народ один, а желающих из народа – много. Приходится на пути к справедливому и мудрому руководству использовать любые

средства... И вот я, шагая по трупам и возле трупов, занял в очередной раз баранье место над этим свиномышником и вижу, Господи, что ты меня жестоко наколол. Никому я не нужен и никто не нужен мне. Меня сожрала власть. А ведь когда-то я здорово играл в дурака. Просто первоклассно. Немного жульничал, но никогда не попадался. Больше ничему не научился с тех пор. И это хорошо. Нашему стаду, оказывается, я тоже не нужен. Им нужна власть. Плевали они на справедливость и закон, им нужна власть тирана и негодяя. Удел святых – мёртвые книги. А я хочу жить хоть так, на одной ноге своей темноты... Долго и болезненно полз... В этот чёрный угол под потолком. Теперь никто не узнает, кричу я от страха или смеюсь...

– Доброе утро, Прокуратор. Как вам спалось?

2

– Приснится же чертовщина: будто я иду по жёлтой кирпичной дороге... Какого чёрта включили прожектор в такую рань?

– Это не прожектор, Прокуратор. Это солнце.

– Солнце? Вот-те раз. Сподобился. Открой-ка шторы. Солнце. Вот оно какое – круглое. Мне было шесть лет, когда я впервые услышал о солнце. Мать мне сказала: «Будешь плохо себя вести – отправлю на солнце». И я весь

день не отставал от нее: «А что это? А как это? А какое это солнце?» Ну можешь себе представить, каким я себе его вообразал – земля сказок и исполнения желаний. С тех пор я «заболел» солнцем. В школе даже был председателем клуба астрономов. А дома у меня висел огромный плакат – «Я увижу солнце». Однажды с приятелем надули сигаретным дымом двадцать воздушных шаров и запустили солнце фотографировать; ни шаров, ни фотоаппарата – бечева оборвалась. Зато с тех пор не курю. Да, детские годы чудесные. Всему своё время, главное – поменьше мечтать, даже если солнце появляется раз в семьсот лет. Тем более, если только раз. Задёрни шторы. Давай документы.

- Сводки Секретной Службы в последнее время до неприличия лживы.
- Ну-ну. Они беспокоятся о моём здоровье и о здоровье народа в первую очередь.

3

- Прокуратор, в шестом городе утечка. Пострадало население. Партаппарат успел укрыться.
- Степень повреждения?
- Максимальная. Оставшиеся в живых эвакуированы в областной госпиталь.

– Тэк-с, значит, весь город накрылся. Шуму-гаму-гара-
раму на всю Вселенную. Карантин объявлен?

– Да, вся зона перекрыта.

– Что-то нужно придумать, сволочь всякая выступать нач-
нёт. И чёрт дёрнул Барона разместить заводы в черте города
– конспирация, государственная безопасность... Ладно. При-
шли ко мне Берлиоза. С постели подыми, завтра проспится.

4

– Что это у вас в петлице, уважаемый?

– Да, чепуха какая-то, муниципалитет пригласил меня
на открытие новой загородной базы, так там, знаете, де-
вицы вручали всем эту новинку – цветы называется.

– Цветы? А, это та самая трава. И много её?

– Много, за городом прямо всё в цветах, даже на асфаль-
те растут.

– Да ну? Ишь, какие нехорошие. И ещё воздух от них ка-
кой-то другой становится. А, Берлиоз, дрянь трава. Про-
сто удивительно, как это мы её прозевали?

5

– Завтра на площади братьев Grimm в восемь утра со-
бираемся снова. Передай по кварталам: явка всех обяза-

286

287

тельна с детьми и с женами. Это общенациональная акция, даже охранка в ней участвует, так что толк будет. Накормим этих мутантов досыта, а потом ещё бензинчиком польём, повеселимся. Жаль только, что траву безобидную вместе с этой гадостью приходится травить. Но ничего, Семенной Фонд обещал нам отвалить к весне кукурузовый сорт: всю округу засеем.

– А что, слышал? В соседнем городе, как его, ну там, где АЭС стоит, говорят жители от этого запаха подурели, кожа с них слезит, одни слепнут, другие слепнут и глохнут, а одна женщина родила ребёнка прямо в пробирке.

– Всё от них, и откуда они взялись? Не было, не было – и на тебе, получи на кирпичи. И с каждым днём всё разные, одни страшнее других.

– Я как на них посмотрю, так сразу голова болит.

– Голова болит? А кто в прошлом месяце хвастался: «Ах, какая у меня трава, да разноцветная, да душистая»?

– Ну, кто знал, что эти цветы – сволочь такая. Ведь разобрались, и стало всё ясно.

– А я так думаю, эту дрянь проклятые натуралы сделали и никакие это не мутанты. Их специально вырастили, в этих, в вивариях, чтобы насолить нам, перевернуть всё вверх тормашками, и чтоб им к власти прийти, и нас всех вытурить из страны.

– Вот дерьмо, жечь их надо вместе с ихними цветами.

– Послушай, Барон, эти сукины дети все цветы по стране истребят. Заставь дурака... И остановить никак нельзя – ишь, какой энтузиазм, большим делом заняты. Каждый день в канцелярию до тысячи писем от восторженных граждан приходит – рапортуют. Знаешь что, сделаем так. Пускай забавляются. Ты организуй, поручи Службе: пусть семена со всех цветов соберут. А когда мои патриоты уничтожат всё, время от времени высеивайте их, где нужно – там, где слишком много думать стали. Так протянем год, другой, ну, а когда появятся тайные общества любителей цветов, найдутся умники, допетрят в чём дело, мы официально раздадим по всей стране семена проверенных, безопасных, полезных и лояльных цветов, выращенных в оранжереях учёными Империи. И эти, мол, «наши» цветы не дадут расти вражеским цветам.

СВЕЧА НА ВЕТРУ

Цветы украшают всё, даже человека. С цветов мы начинаем и с ними умираем. Как правило. Иногда мы дарим их другим, тем, кто умер раньше нас...

С Днём рождения, любимая. Ты прекрасно выглядишь, как всегда. Годы проходят мимо. Ну, а я старею, толстею, лысею, в общем, приспособливаюсь ко времени. Это тебе от нас – розы твоего имени.

Дин, что ты принёс? Зачем тебе эта бумажка? Хорошо, хорошо, беру. Ну, что тут у тебя?

*«Ангел светлый,
Молитва в ночи –
Тонкий луч от твоей свечи...*

*****

*Милая,
Мне кажется,
Проходят годы
С тобой...
Как дни проходят годы и часы,
Как будто там, где лишь одни*

*Невзгоды,
Возможны все иллюзии любви.
Как будто мы безудержно и робко,
Бесстрашно и всего боясь...»*

СОРОК ПЯТЫЙ КАЛИБР

1

– Мы не боимся ничего, потому что мы – это государство. А государство – всегда определённая форма насилия. Насилия порядка над беспорядком. Я бы сказал, контроль разума над анархией безумия. В том числе, и над эмоциями, чувствами, любовными желаниями. Не доверяй сердцу, юноша, оно обманет. Мы призваны, прежде всего, быть орудием защиты, грозной защиты от любых посягательств на завоевания нашей Империи. Поэтому рука разящая не должна дрогнуть ни перед кем, а если понадобится, то и перед государством, не способным больше управлять. Как бы-то ни было, а без рекомендации нашей организации ни один чиновник не сможет занять своё либо чужое тёплое местечко.

292

В своё время сам Прокуратор начинал с низшей ступени в Службе рядовым осведомителем. Однако рука разящая не должна сжимать каменный топор, без разбора рубящий всё и всех. Люди способны и на зло, и на добро, а значит, естественно, и на ошибки. Мы обязаны помочь им разобраться в этих заблуждениях и стать лояльными потребителями Империи. Ну, скажи, разве удовлетворённый потребитель, разумеется, слегка вороватый, захочет каких-то там изменений? Правда, есть эти кошачьи души – яйцеголовые. К сожалению. И к счастью. Ведь, кто ты – яйцеголовый или потребитель, определим только мы – профессионалы. Народ – толпа, и мы обязаны отсортировать эту гору песка для фундамента Нашей Мечты. Кстати, как тебе, Горыныч, вон та очаровательная песчинка? Ну-ка, поухаживай за ней и пригласи покататься в нашей машине. Я подожду тебя возле казино. Карабас, останови. Давай, лейтенант, действуй.

– Слушаюсь, Барон.

2

– Послушай, Горыныч, а она целкой была, вот, чёрт. Орала – до сих пор звон в ушах. Иди, иди, твоя очередь. Смелей, солдат, вперёд, солдат.

293

– Любовь? И да, и нет. Это ты должен сам решить. И только для себя. Для одного каждая встречающаяся женщина – единственная и неповторимая, для другого – предмет потребления и мимолетного развлечения. Я начал с первого варианта, ну, а остановился на втором. Скорее всего от страха ещё раз лястнуться задницей об асфальт. Всё потому, что в своё время не сумел прищучить одну наглую бабёнку. Вот её-то я и любил. Тогда я ещё был наивен и способен на это. А она никогда не была способна. Поунижала она меня со вкусом. Тем более, что я умудрился жениться на ней. Недавно я съездил в маленький городишко, где она живёт. Обыкновенная, расплывшаяся шлюха в дорогом барахле. Пожалуй, сейчас она бы назвала меня шикарным мужчиной. А в то время стеснялась даже идти рядом со мной, с таким оборванцем. Так что, Горыныч, не рискуй. Не доверяй ни одной бабе, держись подальше от их любви. И не мямли, понравилась – бери и не спрашивай. Впрочем, так следует поступать с каждым. В общем, отпускать девчонку нельзя. Мало того, что несовершеннолетняя, сам понимаешь, сволочь всякая раздует, чёрт знает до чего. Необходимы решительные меры. Действуй, старший лейтенант. Даю тебе две недели отдыха.

– Согласитесь, что спецслужбы нужны любому государству, независимо от проповедуемой идеологии. Так же, как и политический сыск.

– Необходимость не означает беззаконие, а профессионализм сыщика – безнаказанность.

– Беззаконие? Волшебник, Вы же умный человек. Мы действовали, исходя из законов того времени. Пришло другое время – пришли другие законы. Мы выполняли приказ. А безнаказанность – вообще фикция. Нас всегда контролировал Прокуратор. И сейчас тоже. И репрессировали наших сотрудников ничуть не меньше остальных.

– Замена старых болтов на новые в непрерывно работающей мясорубке.

– Но согласитесь: в хорошо работающей мясорубке.

– Хорошо? Сомнительно. Если, конечно, не считать вашим достижением семь миллионов бомжей, два миллиона беспризорных детей, шесть миллионов больных СПИДом, первое место в мире по убийствам, детской смертности и коррупции.

– А ещё пять миллионов наркоманов, прирост населения – минус миллион в год, в каждой семье кто-либо сидел или сидит в тюрьме, алкоголик – каждый второй. Ну, и что? Как сказал на встрече с ветеранами Службы наш

Прокуратор: «Всё это балласт. Для нормального функционирования государства хватит и половины населения. И прежде всего, мы должны освободиться от стариков, инвалидов и беспризорников. А остальные сами отсортируются». Согласны? Или Вы против Великой власти?

– Барон Майгель, до скорой встречи.

– Карабас, Буратино, Горыныч, останьтесь, остальные свободны. Вам, ребята, предстоит особое дело. Из всех мы выбрали вас, и это обязывает. Нам, нашей Империи необходимы такие отличные парни, как вы. Я не побоюсь сказать, что идеалы нашего общества, высокие принципы Мечты осуществимы лишь с помощью нашей организации, таких профессионалов, как вы. И это нужно накрепко запомнить всем. Ещё раз повторяю: задание особое. Разумеется, каждый из вас может отказаться. Желающих нет? Верю, верю. Что ж, отлично. Тогда к делу. В результате анализа оперативных сведений обнаружена новая группа с явными цветочными настроениями. «Крыша» у них – якобы невинные литературные вечера. Однако беседы яйцеголовые ведут далеко не невинные. В общем, типичные враги народа. Председателя собрания мы несколько раз предупреждали, но безрезультатно. Необхо-

димы решительные меры. Инструкцию по выполнению операции получите у Яги. Главным группы назначен Карabas. Всё. Успехов, мальчики.

6

– Второй, в живот не бить. Ребёнок, быть может, будет лучше родителей. Ты ей на пальцы наступи. Вот так, закрой ей пасть.

– Ну что, молодой человек? Это вас не касается. Ночевать дома хотите? Вот и молодец. Второй, оставь её, свистни первого. Завтра, ребята, за семенами, как всегда. Всё, расходимся.

7

– «Сделать» человека несложно. Ну, например, в недружественной нам стране поднялась волна демонстраций против гуманной политики нашего государства. Шлём туда человечка с заданием: за две недели сделать так, чтобы демонстранты кричали: «Да здравствует Империя!». Естественно, с этим он не справляется. Или забавная штучка: пошёл человек в баню только для работников аппарата, в баню сверхохраемую, с личными шкафчиками, в каждом вентиляционном отверстии по

агенту; и вдруг, чёрт знает почему, из шкафчика исчезают два листика секретных документов. Или за минуту до проверки подбрасываем ему в портфель «Золотой Ключик». Или пакетик с цветочными семенами. Или переписку с яйцеголовыми. В общем, живём мы интересно, не скучаем, оправдывая мудрый лозунг Вождя: «Жить стало лучше, жить стало веселее!» Но, может быть, так и нужно, чтобы старые товарищи легко и просто уходили в могилу. Лучшее средство от скуки – страх, чужой, конечно.

– Ну, как, Буратино, кролик? В самый раз?

8

– Быть один на один с природой? Можно, если в руках кольт сорок пятого калибра, и то на время, равное количеству патронов, в остальном же вариант один – собираться всем в кучи побольше в местах, продезинфицированных камнем, ложью, чернилами и дураками. И, давай-ка, всё это, дружок, назовём городами Мечты.

«МЯУ»

1

«...Мечты наших героев стали явью. Соотечественники, сегодня бесславно пал ненавистный режим палачей и тиранов, топтавших нашу Правду и Религию. Я, избранник ваш и Богов, возвещаю об этом радостном и долгожданном событии.

Этот день войдёт в анналы истории, как Великий День Возрождения и Независимости. Я дам вам то, что в течение многих лет отбирали у вас узурпаторы и ироды, то, о чём ваши лучшие сыновья мечтали в казематах, подполье и за границей. Я дам вам Веру, я верну вам Веру, отнятую и поруганную властью безбожников и партократии, восстановлю и открою новые храмы Плодородия, Благоденствия, Мира и Любви, храмы всех богов, чтимых нашими предками. Я напомню всему миру, что наша многострадальная Земля лишь только шарик, надутый по воле богов, и что мы, избранные сыны Божьи, посланы для счастья всех людей. Наш народ докажет это всем неверующим и врагам нашей Империи, когда развернёт пылающее знамя нашей Веры – единственно-истинной на всей Земле, и скажет...»

– Мяу.

Мы с гномом рассмеялись.

– Пардон, это я от себя. Так, знаете, реприза, всё веселее, – сказал Кот Бегемот, улыбаясь. – Так, что бишь бает новый, сороковой по счёту Управитель нашей Великой и Могучей Империи? Продолжайте, пожалуйста, Наблюдатель, прошу.

– ...и скажет: «Мы – хозяева мира! Да здравствует Вера!» Вот и всё, – сказал гном, закрывая тетрадь, – эту речь сегодня в записи будут транслировать по радио и ТВ.

– Что ж, король умер. Да здравствует король!

– А почему бы нам в честь этого не шлёпнуть по стаканчику спирта? – говорит Кот, доставая из-за кресла изумрудный графин.

2

– «...солнце встаёт из-за горизонта; мир сохраняют войной; ветер дует вперёд; есть человек – есть проблема, есть деньги – нет проблемы; книги не убивают, убивают ракеты; экономика должна быть экономной; тот, кто много читает – императором не станет; лучшее кино – это вино; всё для блага человека, всё во имя меня; котлеты отдельно, мухи вместе; с чувством глубокого удовлетворения...» Бывший был не прочь поиздеваться над толпой, и всё же

304

сборник его цитат полезен и поучителен. Если хочешь чтобы было по-твоему, говори коротко, народ любит приказы: когда маршируешь в ногу со всеми, пропадает желание сравнивать и размышлять, чувство страха и индивидуализма исчезает и нивелируется до уровня цитат и приказов Вождя. Кто бы мог предположить, что мне предстоит размышлять за всех и за всю страну. И теперь, как всякому самодержцу, мне необходимо подумать и о престолонаследнике. Монархия? Ну, да. Разумеется, привыкнут, привыкли же они к Империи. На снимке мой сын выглядит эффектно – высокий рост, могучие бицепсы, взгляд чересчур доверчив. Его легко обмануть, как и всякого другого, впрочем. Ничего, пройдёт и это. Всё пройдёт и любовь, и радость. Думаю, власть он примет с радостью и не будет рассуждать, где всё это время пропал папа. Революция, сын, требует жертв и отдачи без остатка. Любовь ко всему народу выше личных переживаний и привязанностей. У тебя была мать, а у меня – никого, кроме идеи. Теперь нас двое, обязанных посвятить себя борьбе за счастье и благополучие нашей Родины...

Карабас, дай жвачки. С охраной всё в порядке?

– Да, Экселенц.

– Он ничего не заметил?

– Нет.

– Хорошо. Чёрт, откуда у тебя малиновая? Контрабанда?

305

Помню, как мальчишкой я с друзьями бегал за жвачкой к либералам. Они щёлкали фотоаппаратами, смеялись и давали каждому по одной пачке. С тех пор я это не люблю. Фотографироваться, конечно. Прежде всего, мы дадим детям жвачку, а ветеранам – по личному велосипеду. У тебя есть машина?

– Есть.

– Какая модель?

– «Континенталь» этого года.

– А мне нравится «Мерин»: больше девки тащатся. Дайка мне личное дело его подружки. Остановись здесь, отдохнем немного. Если хочешь, в термосе чифирь. Так, фас, профиль, динамика – класс! А этот снимок хоть на обложку «Имперской Женщины».

– Это из архива «Женщины».

– Да? Неплохой вкус у моего сына. Женись, парень. Если у тебя будет дочь, я выдам её замуж за своего внука.

– А если сын?

– Тогда не женись. Ты смотри, аристократка. Замок, лес, личный флот. Чёрт, и он на ней всё ещё не женат. В его годы я уже развёлся. Что ж, возьмём это на контроль. Скоро Новый год. Ты любишь подарки? Я – очень. Пора, уже вечер, меня ждёт сын.

НОВЫЙ ГОД

– Вечер, сменивший день, и ночь, сменившая вечер под Новый год. Каждый час, каждая минута полные тепла, грёз и особенной тоски по уходящему прошлому.

Праздник, одинаково радостный и долгожданный в любую пору жизни. Праздник, сравнимый, разве что, с Днём рождения в детские годы.

Новый год, беззаботный и лёгкий, обещающий только счастье и исполнение желаний, лукавый и милый обманщик, беспечно ведущий к новым ударам, ошибкам, разочарованиям и подзатыльникам; ко всему тому, что многие называют опытом... Пожалуй, так я начну эту сказку.

В Новом году мне исполнится семьдесят, Дину – шесть лет. А сколько исполнится Вам, сударь? С тех пор, как Вы появились у меня, преследуемый консервной банкой, прошло три года. Сколько прибавить? Не притворяйся, таинственный хитрец, ты давно не спишь. И нечего подлизываться, здесь хватит всем.

Скоро полночь. Полночь тридцать первого декабря. Когда я впервые встретил здесь Новый год, была такая же морозная погода. Тогда и среди людей у меня были друзья. Я был ещё молодым сельским учителем. В то время я жил мечта-

308

309

ми, а не только цветами. Но с возрастом пренебрегаешь наименее ценным и начинаешь жить так, как следовало бы начинать.

Минус двадцать. Кажется, мы с тобой, Дин, вовремя укутали розовые кусты. Пойду-ка гляну, подышу новогодним воздухом. Нет, петь ещё рано.

Звездопад. Волшебный праздник вокруг нашей ёлки.

Когда падают звёзды, я закрываю глаза.

СЕРДЦЕ ДУРАКА

«Когда падают звёзды, я закрываю глаза. И вижу цветы...»

Смерть

«...цветы показались на земле; время пения настало...»

Библия, Книга Песня Песней, глава 2, стих 12

– «Я как купец, чей ключ благословленный
Откроет все сокровища его
И, в наслажденьи тайны сокровенной,
Умножит редким счастьем торжество.

Ведь праздники нечасто наступают
В году простых и бесполезных дней.
И в ожерелье радугой сверкают
Лишь грани драгоценнейших камней.

Так время охраняет те мгновенья,
Где вместе мы, в разлуке вопреки.
Где встречи миг, как чудо вдохновенья,
Как совершенство золотой строки.

Блаженство жить тобой, мой милый друг,
Надеждой побеждая боль разлук».

– Спасибо, Азazelло. Обожаю стихи Шекспира. Но сказки люблю больше.

– Ах, Гелла, я тоже. Особенно, если эти сказки рассказываю я – самый учёный и самый красивый кот на свете.

– Мы тебя внимательно слушаем, Бегемот.

– Проездом из столицы, смертельный номер исполнит...
Шучу-шучу. Больше не буду, Мессир.

– Меньше тоже?

– Айн момент, рукопись помялась. Начинаю, начинаю.

Итак, сказка на ночь. Ночь тридцать первого декабря...

Давным-давно, в то далёкое и волшебное время, когда люди и животные были добры не только к цветам, но и к друг к другу, жил-был Садовник. Из всех цветов он предпочитал розы, но какие это были розы – от белоснежных и золотых до лиловых, и даже бархатно-чёрных, от небольших до гигантских, королевских роз. Ранним утром розовый сад был похож на фантастическую радугу, усеянную миллионами бриллиантовых капель хрустальной росы. Поэтому Садовник всегда начинал работать так рано.

Люди видели эти цветы, качали головой и говорили: «Неужели это розы, выращенные нашим дурачком? Неужели это те самые невзрачные придорожные колючки, которыми пренебрегали даже коровы?» Однако это были те самые цветы, на которые раньше никто не обращал внимания. Вскоре розы стали украшением не только маленьких, но и больших ботанических садов страны, а затем и всей планеты. В благодарность за внимание и любовь розы стали радовать людей не только своим сказочным видом, но и чудесным, нежным запахом. И, всё же, самые лучшие и прекрасные цветы росли в саду нашего Садовника. Вот так любовь и внимание даже одного человека делают чудеса: колючки превратились в розы, кото-

рые могли сделать счастливыми многих.

Они могли делать всё и быть всем. Ещё в те далекие времена, когда для людей они были лишь обыденной колючкой, цветы превращались в любое живое существо. Они путешествовали во времени и пространстве яркими как розы звёздами. И были всегда молоды и лучших из людей превращали в цветы.

После очередной войны Садовник вернулся к своим цветам, отдавая им всю нежность своего сердца. Розы стали его друзьями, с которыми он путешествовал по другим мирам, где все называли его Волшебником. Кое-где эти цветы становились колючками: так мало любви было в сердцах местных жителей.

Проснувшись у себя дома, в деревне, Садовник думал: «Какой странный сон». И тут же забывал о своём путешествии и приключениях, отдыхая возле своих любимых роз, Кота и Собаки.

Однажды в ночь под Новый год, когда Садовник вышел проведать своих любимцев, они, втайне от него, тихо и незаметно собрались вокруг праздничного стола. Они смеялись и говорили друг другу: «Представьте, что подумает Волшебник, когда не найдёт нас в саду».

- Его кондрашка хватит.
- Гелла, перестань. Все успокоились?
- Он выращивал цветы для людей и был бы только рад,

если бы кто-нибудь в морозную Новогоднюю ночь подумал и о цветах для любимой.

– Ты права, Элли. Продолжай, Бегемот.

– Итак, Садовник вошёл в дом, полный таинственной темноты и ожидания. Вспыхнул ослепительный свет, зазвучала музыка, зажглись новогодние огни, друзья обнимали растерянного Садовника, поздравляли с Новым годом, дарили подарки. Кот бегал вокруг стола с бенгальской свечой и орал: «Это я всё придумал!» Собака держала в лапе бокал: «С Новым годом, дружище! Пей, тебе пора стать молодым». Кажется, у этой сказки...

– Стоп. Внимание.

– Вначале был свет.

– Давай!

– Гип-гип уря-я-я! Это я всё придумал!

– С Новым годом!

– Здравствуй. Дай я тебя поцелую.

– Это всё тебе.

– Ты шикарно выглядишь!

– С Новым годом, дружище! Пей, тебе пора стать молодым.

На экране появляются финальные титры:

Кажется, у этой сказки счастливый

КОНЕЦ

«Если человек предложит Мне листок, цветок, плод или воду с любовью и преданностью, Я приму их».

«Бхагавад-Гита», глава IX, текст 26

Список Ланья:

04.11.1937 год – Дмитрий Данилов

1953 год – Лидия Маньковская, с. Лошица

1964-1968 гг. – Ирина Кагакина, г. Оленегорск

1972-1975 гг. – Сергей Бутусов, Звягинцева Людмила

1975 год – Татьяна Заболотнова, г. Казань

1978 год – Екатерина Лазарева, г. Таллинн

1981 год – Андрей Жуков, г. Минск

1982 год – Владимир Бобриков, бульвар Луначарского

1982 год – Елена Кудрец

1983 год – Яков Егудин, с. Тарасово

1990 год – Любовь Борщева, Наталья Кишова

1992 год – Вячеслав Жуков «Сердце Дурака»

2002 год – группа «Сердце Дурака», г. Могилев

2010 год – Людмила Бутусова, Кипр

2013 год – Елена Деневиль, г. Мельбурн

2020 год – Денис, Дмитрий

2021 год – Александр и Алёна Куль

2021 год – Вячеслав Манковски «Сонеты В. Шекспира»

Продолжение следует...

Джеймс Гудвин-Волшебник

Сердце Дурака

Ответственный редактор Тамара Рудак

Художественный редактор Любовь Борщева

Иллюстрации Джеймс Гудвин

© Slav Mankovski, 1992 - 2025

